

Линейцы

Автор:

Андрей Белянин

Линейцы

Андрей Олегович Белянин

Фантастический боевик. Новая эра

«Настанет час, после штурма аула Дады-Юрт, как приведут к тебе двух ребят из будущего. Они и есть те линейцы...» – значимо завершил генерал Ермолов.

Заур Кочесоков и Василий Барлога недоуменно переглянулись. Могли ли знать двое наших современников, студентов исторического факультета престижного московского вуза, что судьба отправит их в самое пекло кавказских войн девятнадцатого века?

И теперь они обязаны раскрыть тайну Линии, где бесследно пропадают русские и кавказцы, где гуляют Чёрные Абреки на трёхногих конях, где летающие джинны испепеляют человека одним взглядом, а соколы из стали способны пробить клювом чеченскую кольчугу...

Если б не старый пластун дед Ерошка и его внучка, стреляющая с двух рук, пропали бы наши студенты в первый же день. А тут...

«Ужо такое замесим, что приходи, кума, любоваться!»

Андрей Белянин

Линейцы

© Андрей Белянин, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

- Позволю себе представиться первым – Барлога Василий Николаевич, родом из Калуги.

- Очень приятно! Кочесоков Заурбек Исмаилович. Я из Владикавказа.

Оба вежливо кивнули.

- Господин Барлога...

- Да, господин Кочесоков?

Парни невольно приснули от искусственной высокопарности момента и церемонно чокнулись чашечками эспрессо.

- Можно просто Вася. Второй курс.

- Просто Заур. Курс первый.

Кофе был хорошим, и каждый выложил свой сотовый на стол, из вежливости отключив звук – уютная атмосфера «Шоколадницы» в целом вполне располагала к приятному разговору. Разница между первым и вторым курсом исторического факультета не столь велика, чтобы кому-то всерьёз раздувать щёки. Нет, разумеется, она была, кто бы спорил, но не для этих двух интеллигентных людей, встретившихся сегодня по воле... капризного случая? индейки-судьбы? начальственного решения декана? Бог весть!

Да и кому это важно? Наверняка не им самим, и даже не вам, и уже тем более не мне, автору. Я в этой истории вообще человек посторонний: просто описываю в художественной форме то, что услышал в сумбурной беседе с двумя молодыми

ребятами в купе московского поезда, под постоянные восклицания «честное благородное!» и «мамой клянусь, да!».

Если вам это не интересно, то, ради бога, закройте книгу. Действительно, мало ли чего случайные люди наплетут на голубом глазу, узнав, что рядом с ними едет писатель! А уж если этот писатель ещё и фантаст, то наслушаешься такого таинственного, мистического, кошмарного, с обезумевшими привидениями, тайными кладбищами и кровососами из соседнего подъезда, что потом спать страшно. О да, эти ребята тоже умели нагонять жуть! И не будь я начитанным человеком, то на раз-два разоблачил бы прохиндеев, но им я поверил, как ни удивительно. А это дорогого стоит...

Итак, вернёмся к началу. Василий был высок, крепок, плечист, спокоен, имел волнистые, зачёсанные назад тёмно-русые волосы, серые глаза и румяные, словно натертые свеклой щёки. Одет в гавайскую рубашку сумасшедшей попугайской раскраски, джинсовые шорты ниже колен, белые носки и модные кроссовки. Этот парень казался рассеянным, в чем-то даже безалаберным, но тем не менее добрым, с широкой русской душой.

Заур же был черноволос, изящно сложен, с благородными чертами лица, карими глазами в обрамлении длинных оленьих ресниц и тонкими усиками. Несмотря на лето, одет строго, даже консервативно: серый костюм-тройка в рубчик, отглаженная рубашка, тёмно-синий галстук и блестящие лакированные туфли с длинными носами. Несмотря на пылкий восточный темперамент, воспитан и интеллигентен: никакого мата, никакой грубости, увлекается классикой, как в музыке, так и в изобразительном искусстве, а также спортом и интеллектуальной литературой.

Как видите, один наш герой выходец из среднерусской полосы, а другой – из ворот Кавказа. Но все же у них оказалось много общего. Во-первых, среда воспитания – оба родились в высокообразованных семьях, где детям ещё до рождения была предречена педагогическая карьера, с непременно преподаванием, полевой практикой, научной работой и впоследствии обязательным выходом в профессию. Любые отклонения от многолетней семейной традиции не допускались категорически.

Во-вторых, карьера эта должна была начинаться на историческом факультете известного московского вуза, название которого мне не позволено упоминать, чтобы не нарушить закон о «недобросовестной рекламе». И наверное, поэтому

оба парня нисколько не были похожи на разбитных столичных студюзов с инстаграмным мышлением, сексуально-рэпнутой культурой восприятия мира, модным «луком» и заранее проплаченными дипломами. Вот, собственно, и всё.

Хотя нет, наверное, есть и еще один момент – связывающее их задание. Младший студент должен был сдавать доклад о кавказской военной политике генерала Ермолова, в частности о противоречивости и логичности его решений в контексте либеральной морали эпохи, а также рассмотренных через призму современных взглядов. Второкурсник Барлога был прикреплен к новому знакомцу для того, чтобы исправлять ошибки и для так называемой общей педагогической практики.

– На ты или на вы?

– Предпочту на вы, – вежливо ответил Заур, ставя чашку на блюдечко. – Вы отвечаете за мою работу, так что мне не пристало тыкать старшему товарищу. По этой же причине вам ко мне можно на ты.

– Ничего не понимаю, кавказец к русскому – и на вы?

– Ради Аллаха, я вас умоляю...

– Не, не, погоди! – искренне удивился Василий, переходя на шёпот. – Мы когда шли из кабинета проректора, у тебя был жуткий акцент. Через слово «мамой клянусь!», «э-э, ва-а-х», «эй ти, чо такоэ, а?»!

– Традиция, – холодно улыбнулся его собеседник. – Родители переехали из Грозного во Владикавказ еще до начала дудаевского конфликта. Ну, а если ты кавказец в Москве, то будь добр отвечать сложившимся стереотипам... Не я это придумал, так сложилось.

– Понятно. Ты чеченец?

– Черкес. Разница не очевидна, но она есть.

– Шикардос! То есть ты просто косишь под «кавказавра»? Нормально... С другой стороны, иначе меня бы к тебе и не прикрепчили.

– А вам-то за что такая честь? Я имею в виду, зачем возиться с редакцией чужих докладов? Это весьма малоинтересное времяпровождение...

Василий ответил не сразу. Он уже успел чуточку проникнуться мнимой важностью поставленного перед ним каторжного труда по оказанию снисходительной помощи «сыну гор». Но как вдруг оказалось, его подопечный и так вполне себе справляется с задачей получения фундаментального образования. Не признаваться же, что господин Барлога в этом году, как и в предыдущем (опять, вновь и снова) практически завалил историю и имел кучу пропусков, так что усталый профессор просто дал ему последний шанс на зачёт. И это произошло не из-за тупости, а скорее из-за крайней рассеянности и весёлой безалаберности калужанина.

Воистину, не всё, что из нас желают вылепить родители, получается по их образу и подобию... Даже сейчас на встречу с незнакомым человеком Вася умудрился опоздать не на пять и не на десять минут, а на полтора часа. А мог бы, кстати, вообще перепутать дни!

Тот факт, что и молодой джигит Кочесоков каким-то чудом сумел дожидаться, вовсе не свидетельствовал о кротости его характера. На Кавказе скромники и тихушники вообще нечасто встречаются. Уж реже мамонтов точно! Просто парень залип в сотовом на переписке с любимой девушкой, которой именно сейчас требовалось напрочь вынести ему мозг. Явление Барлоги временно спасало ситуацию, отодвинув неминуемые разборки по крайней мере до вечера. Ибо если уж ваша любимая решила выяснить всё, она никогда не сдастся и не отступит: бабские войны в «Ватсапе» страшная вещь...

– Почему я? Действительно, догадаться трудно, да? – Василий решил, что настало время расставить приоритеты, и начинать следовало с осознания собственного достоинства. – Причина проста, но отложим несущественное. Пожалуй, я бы взял ещё кофе.

– Тогда я, пожалуй, пойду.

– Куда?

– А вам зачем это знать? – Делано изобразив удивление, молодой человек положил на столик файл с докладом. – Как ознакомитесь, будьте добры

написать мне на почту. Электронный адрес есть в исходных данных.

- погоди, так не пойдёт! - До Барлоги дошло, что собеседник явно пытается слинять, повесив на него ту самую работу, от которой он сам намеревался как можно успешнее ускользнуть. - Давай садись, обсудим, кто и что будет делать.

- Что тут обсуждать, о мой старший и более опытный товарищ? Вас назначили редактировать мой доклад. Вот текст, правьте как вам угодно! Когда закончите, я непременно и с уважением приму ваши советы к сведению.

- Хватит мне выкать!

- Хватит мне указывать.

- Типа, ты на серьёзных щах решил, что я буду за тебя впахивать?

- Э-э?! - Заур старательно сделал изумлённые глаза, хлопая длинными ресницами. - Неужели что-то не так?

- Что-то не так? А не пошёл бы ты...

- Уже иду.

- И бумажки свои заberi, аферист в стрингах!

- Вася, я ещё как-то могу понять, почему вы назвали меня аферистом, - кротко вздохнул кавказец, неспешно засучивая рукава. - Видимо, из-за моего акцента у ректора. Но стринги?! Это же поклёп на весь Владикавказ! Вот такое у нас не прощается...

Старшекурсник встал вовремя, чтобы увернуться от летящего в лицо кулака. Если господин Кочесоков вдруг решил, будто бы этот круглолицый русский увалень внешне похож на грушу для битья, то жизнь мигом преподала ему урок: не суди по внешности. Добродушие Барлоги совершенно не помешало ему получить зелёный пояс дзюдо, а крупные по комплекции люди при необходимости могут двигаться невероятно быстро.

– Официант! Помогите, здесь драка! – взвился вверх незнакомый женский голос.

Столик покачнулся, посуда и телефоны рухнули на кафельный пол, листы рассыпались. Народу в кафе было немного, благородно разнимать двух сцепившихся парней вот так сразу желающих не нашлось. Хотя ведро холодной воды тем явно не помешало бы.

Василий могучим броском через бедро свалил нападающего с ног, и как раз начал проводить удушающий приём, когда...

– Прекратите сейчас же! – Пылкая девушка в очках с внешностью районной библиотекарши из Бибирево начала гвоздить обоих парней подобранным докладом по голове, не разбирая, кто прав, кто виноват. Это было последнее, что они запомнили: боль, искры, туман – и...

* * *

– Доложите обстановку по «Нергалу».

– Слушаюсь, бвана! – Капитан склонился в низком поклоне, скрещивая пальцы в знак уважения и повиновения. – Наш крейсер движется с заданной скоростью, по утвержденному шестью богами курсу Сипа-Зи-Ан-На. Системы корабля работают исправно. База Иштар на планете Тиамат подготовлена для принятия резерва. Все туземные племена страстно молят небеса о вашем скорейшем прибытии.

– Точно ли все? – Чёрный Эну отличался любовью к садизму и лести.

– Все, кто нам нужен.

– Разумно. А жертвы?

– В жертву будет принесено всё, на что вы бросите взгляд, владыка...

Эну, облизнув губы длинным языком, отправил капитана заниматься прямыми обязанностями. Путь от Нибиру до Тиамат был достаточно утомителен, провизии

хватало, но вот как развеять скуку? Все интеллектуальные или физические развлечения были испробованы и признаны утомительными. Чёрному бване хотелось иных впечатлений. Чего-то по-настоящему масштабного и запоминающегося. Он всерьёз подумывал даже о том, чтобы взорвать весь корабль к Мардуку Бесконечному в пекло...

Но надо было дождаться посадки крейсера. Туземцы многочисленны и ждут богов. А боги тоже ждут и жаждут...

* * *

Воздух был невероятно свеж и напоен такими дивными ароматами, что казался сладковатым на вкус. Пели птицы, звенели цикады, жужжали какие-то насекомые, и высоко в зените стояло яркое солнце. Оба наших героя лежали в густой мягкой траве, едва не касаясь друг друга головой. Заур и Василий пришли в себя почти одновременно, причём до каждого наконец-то дошло, как глупо они вели себя пару минут назад.

– Мои извинения, погорячился...

– Взаимно... Тупанул, был неправ!

Не сговариваясь, они умудрились пожать друг другу руки и только потом открыли глаза. Вопль, который взлетел до облаков, заставил птиц мигом заткнуться. Встав на четвереньки лицом к лицу, оба студента орали в полный голос. Потом они одновременно вскочили и принялись оглядываться по сторонам, озирая цветистую поляну, смешанный лес, высокое небо, синие горы на горизонте. Постояв так какое-то время, они не придумали ничего лучше, как снова заорать, стоя уже спиной к спине.

Собственно, а что им еще оставалось делать? Веселиться, как двум укуренным наркоманам? Падать на колени в религиозном экстазе, словно праведникам, попавшим в рай? Звать на помощь бесов, ангелов, хоббитов, эльфов, ректора, Бабу-Ягу, «Гугл», МЧС? К кому обращаться, кого винить, на чье имя писать жалобу?!

Крик прекратился так же резко, как и начался. Во-первых, парни вспомнили, что они-таки мужчины, во-вторых, убедились, что от сотрясения воздуха толку нет, и в-третьих, похлопав себя по карманам, оба пришли к выводу, что их сотовые остались на полу в кафе. Заурбек заговорил первым:

- Характерная природа моей родины...

- То есть?

- Судя по всему, мы на Кавказе.

- Считай, на курорте, да? - попытался найти хоть что-то положительное шумный Барлога. - Надо выбираться к какому-нибудь санаторию или дому отдыха, их тут под Пятигорском должно быть немерено.

- С чего вы взяли, что мы в районе Пятигорска?

- Ну а где тогда? - Васе было неудобно признаваться, что других городов на Кавказе он просто не знает. Собственно, он и в Пятигорске-то ни разу не был, поскольку родители не жаловали летний отдых на «рассейских югах», предпочитая дачные посёлки с озёрами и тихой рыбалкой в средней полосе.

- Понятно. - Заур покачал головой, поправляя узел галстука на шее: похоже, в этой ситуации уже ему приходилось примерять на себя роль ведущего. - Вон там тропинка, надеюсь, по ней мы сможем выйти к людям. Дальше разберемся на месте.

Он двинулся вперед первым, аккуратно смотря под ноги, чтоб не попасть модными туфлями в какую-нибудь коровью лепешку. Второкурсник, вытащив из нагрудного кармана темные очки в стиле «шериф под прикрытием», надел их на нос и широко шагал следом, морщась, когда репейники пытались прилипнуть к его белым носкам над кроссовками.

Наверное, получаса не прошло, как двое изрядно вспотевших ребят спустились к безымянной горной речке. Сейчас это скорее стоило бы назвать ручьем, змеящимся меж камней, но наверняка после дождя могучий поток ворочал здесь валунами.

Василий как раз наклонился зачерпнуть воду ковшиком из ладоней, когда спутник тронул его за плечо. На противоположном берегу, буквально в двадцати шагах, в тени дуба они увидели черноглазого всадника в коричневой черкеске с серебряными газырями и высокой чёрной папахе с широкой зелёной лентой, с аккуратно подстриженной рыжей бородой. За спиной у него было ружьё в меховом чехле, а тонкие пальцы лежали на рукояти кинжала. Стройный вороной конь с оленьей шеей раздувал огненные ноздри. Ребята замерли, исподволь любясь ожившей картинкой Франца Рубо из учебника истории.

– Ролевик какой-нибудь? – тихо спросил Вася.

Его приятель пожал плечами:

– Не уверен, скорее москвичи кино снимают. Сейчас такие лошади редкость – настоящий кабардинец с племенного завода. А вот местных типажей как раз полным-полно...

Всадник неожиданно что-то крикнул на непонятном гортанном языке, и уже с десяток таких же джигитов, в потрёпанной одежде, но с дорогим оружием, вылетев из кустов, окружили наших студентов. Нет, будущие историки не испугались, а лишь удивились. На загорелых лицах кавказцев не было агрессии – тоже, скорее, изумление и улыбки.

Барлога искренне рассмеялся в ответ, когда один из подъехавших чуть не упал с седла от хохота, тыча нагайкой в его гавайскую рубашку.

– Физкульт-привет каскадёрам! – салютуя на римский манер, прокричал студент, снимая очки. – Мосфильм или Уорнер-Бразерс? Кто снимается – Куценко, Галустян, Кристина Асмус? Только не Джигурда, тьфу-тьфу, храни нас Ктулху! А режиссёр Бондарчук, да? Огнище-е!

Всадники на секунду замерли, переглянулись и расхохотались ещё громче. Господин Кочесоков, всё это время стоявший, как памятник человеку в футляре, не проронил ни слова, скрестив руки на груди и опустив глаза. Тот рыжебородый, которого ребята увидели первым, отдал короткий приказ, и на плоский камень у ног Заура положили лепёшку с куском белого сыра. После этого вся кавалькада пустила коней вскачь, исчезнув в лесу, словно лишний кадр, отрезанный ножницами на плёнке в монтажной.

– Покатились по звезде – ни мне здрасте, ни тебе до свидания! – философски пожал плечами Василий и тут же, опомнившись, заорал: – Эй! Стойте! А куда идти-то? Где съёмочная площадк-к...

– Заткнитесь, пожалуйста, дорогой соавтор, очень прошу! – Узкая ладонь владикавказца запечатала рот товарищу, и глаза Заура при этом были даже не круглыми, а квадратными. – Вы знаете, кто были эти люди? Чеченцы! Настоящие вайнахи[1 - Вайнахи – самоназвание представителей чеченского и ингушского народов, появившееся не ранее XX в. (вначале как лингвистический термин, позже распространившийся в бытовой среде).]... И не из личной гвардии Рамзана Кадырова, а из девятнадцатого века!

– Прикалываешься?

– Не имею столь дурацкой привычки.

– Эх, а я б с ними сфоткался!

– Они не тронули нас только потому, что сочли сумасшедшими! С точки зрения жителя Кавказа тех дремучих лет, вы одеты как полный псих, а из всей вашей речи они, возможно, поняли лишь два слова: «кто» и «только»! Моё почтение, уважаемый господин старшекурсник, вы только что спасли нам жизнь!

– Ты на себя посмотри...

– А чего мне на себя смотреть? Я понимаю чеченский, и тот, что был на вороном коне, сказал: «Один потерял разум, а другой – мирный дервиш, ведущий его в святые места за исцелением. Аллах велит поделиться с ними едой».

– Так и сказал, прямым текстом? Получается, мы что в...

– В заднице? – прозорливо догадался Заурбек. – Нет, полагаю, мы в прошлом. Но да, и в заднице, разумеется, тоже! Э-э, извините, а что вы делаете?

– Ем, – с набитым ртом ответил Барлога. – Всё честно, вот твоя половина! Сыр, кстати, пересоленный, а лепёшка жёсткая.

– Нельзя ничего тут есть! Вдруг это как в мире ирландских эльфов? Если хоть что-то съел из угощения обитателей холмов, то...

– Как хочешь! – Прежде чем начитанный черкес сообразил, что сейчас будет, остатки хлеба и сыра исчезли в желудке его старшего товарища. – И не смотри на меня так, я всё равно в эти ваши кавказские сказки не верю! Найдём нормальных людей, которые говорят по-русски, и всё выясним. Мы ещё разберёмся, кто тут джигиты, а кто сумасшедшие...

Кочесоков развёл руками, закатывая глаза. Безмятежная непробиваемость Василя казалась заразной. Если ты родился и вырос в горах Кавказа, то в определённые вещи не верить не можешь. Но если твой дом Калуга, тихий уютный городок в паре часов электричкой от урбанизированной златоглавой Москвы, то всерьёз ориентироваться на бабушкины суеверия как-то несолидно.

Вася в юные годы прочел немало книг в жанре фэнтези, в частности про так называемых попаданцев, чтобы относиться к происходящему не без здорового скептицизма. Тем более, если верить всяким современным розыгрышам, квестам и флешмодам, так там с «жертвами» и не такое устраивали. В жизни возможно всякое, но так тем более трезвый взгляд на вещи должен быть в приоритете. Так всегда говорил его отец, повторяя слова дедушки, якобы усвоенные им от своего отца, в своё время профессора философии Саранского университета.

– Всему должно быть своё логическое объяснение, – авторитетно заключил Барлога, смахивая сухие крошки с рубашки. – Так ты со мной? Тогда шевелим конечностями, и ать-два, ать-два!

В ту же минуту неприметный замшелый валун за его спиной вдруг ожил, крепкие руки схватили Василя за щиколотки, одним рывком опрокинув в горную речку, ударив упрямым лбом о камни и утопив дорогие солнцезащитные очки. Удивлённый Заурбек и рта не успел раскрыть, как серый мешок был наброшен ему на голову, плечи сдавило, под колени пнули, а могучий удар в солнечное сплетение едва не заставил потерять сознание. История закручивалась странными спиралями и старинными узлами...

Калужанин пришёл в себя от мерного покачивания. Руки-ноги были связаны, во рту какая-то тряпка, на голове пыльный мешок. Дышать носом можно, но не очень хочется. Судя по запаху, везут его на спине давно не мытой и невкусно

пахнувшей лошади. Молодой человек на минуточку задумался, а где же его случайный знакомец по институту, но, если так можно выразиться, покачивания его укачали, он сдался, расслабился и уснул.

К слову, Заур-то как раз не спал, трясясь на спине соседней лошади. Он мысленно ругался на всех известных ему языках и строил планы жестокой мести похитителям. Как именно она будет осуществлена, пока было неясно, но в конце концов господин-студент пришёл к тому же выводу, что и его старший товарищ – рано или поздно всему находится логическое объяснение. И в этом случае оно, как и следовало ожидать, нашлось.

Правда, не совсем такое, как ожидали наши герои. Да что уж там, совсем не такое!

Ребята окончательно очнулись и пришли в себя, наверное, часа через полтора-два, от шума голосов, запаха дыма и конского ржания. Их довольно бережно скинули вниз на твёрдую каменистую землю, усадив спиной к спине. Незнакомый, чуть хрипловатый голос отрапортовал:

– От, гляньте-кось, ваше благородие! Хлопцы двоих взяли близ засечной линии. Одеты чудно, не по-нашему, один навродь как русский, другой, видать по всему, татарин. Безоружные. Чего тут позабыли-то, непонятно?

– Разберёмся. Покажи обоих.

В тот же миг с будущих историков были сорваны старые мешки.

– Это ж что за клоуны такие? – аж перекрестился кто-то из солдат под нарастающий хохот остальной войсковой братии.

– Глянь, братцы, энто штаны обрезанные али рейтузы новомодные?

– А рубаха-то пестра, чистый петух!

– Кабы вместо фазана на охоте не пальнуть!

– Эй, татарин, почём ткань на сюртук брал? В такой хоронить хорошо-о...

– От чой-то тощей с удавкой на шее ходить? Мода така у мюридов, чи как?

– Как их только чеченцы не тронули? Видать, за умом скорбных приняли!

– А ну, цыц! Заняться нечем, разгоготались тут! А вы откуда ж такие взялись, черти?

Простой и вполне себе безобидный вопрос, заданный молоденьким безусым офицером в зелёном полевом мундире, повис в воздухе, не дойдя ни до одного адресата. Потому что и Василий и Заурбек во все глаза смотрели по сторонам. Военный лагерь, пушки, солдаты в белых фуражках, полевая кухня, горящие костры, осёдланные лошади у коновязи и вольные, стоящие отдельно табунками, полковые флажки, звон труб, запах табака, пороха и трав, а вокруг смешанные леса, горы, до самого горизонта, да предзакатные облака над головами...

– Я говорю, откуда вы? Кем посланы? Что делали у линии?

– Шикардос, – выдохнув, переглянулись студенты, всё ещё на что-то надеясь. – Это лучшая историческая реставрация, ежегодное Бородино отдыхает! А кто общий руководитель проекта?

– Генерал от инфантерии Алексей Петрович Ермолов, – вытянувшись в струнку, на автомате ответил офицер, но тут же опомнился: – Вы мне тут! Не смей! Червоненко, а ну влепи-ка им пару плетей для разговорчивости!

Неулыбчивый бородатый казак, более всего похожий на какого-нибудь плечистого лешего, безоговорочно потянул нагайку из-за голенища. Но на его плечо легла сухонькая жилистая рука...

– Та чего ж спешить-то, вашбродь? – вмешался низенький неприметный старичок в потрёпанной черкеске. – Парень-то языком как по писаному чешет! Из благородного сословию, поди, а?

– Кстати, да, – сообразил Барлога, который втайне не верил происходящему, но вовремя согласился подыграть. – Вообще-то мы с другом из Москвы.

– Ах из Москвы... По какой части служите?

– Учимся в университете.

– Dans quelle universite vous apprenez? [2 - В каком университете вы учитесь? (фр.)] – вежливо поинтересовался офицер. – Молчите? Неужели студенты знаменитого московского университета не знают французского? Тогда, быть может, sprichst du deutsch, meine freunde?[3 - Вы говорите по-немецки, друзья мои? (нем.)]

– Лично я учил английский, fuck you, вам на воротник, – огрызнулся Василий, в то время как его случайный товарищ вообще почитал разумным держать язык за зубами.

– Вот только британских шпионов нам тут и не хватало! – Офицер поправил фуражку, сдвинув козырёк на брови, и скомандовал: – А доставьте-ка их к его сиятельству, братцы!

– Слушаемся, вашбродь!

– И благодарю за службу!

– Уря-я... – без энтузиазма ответил за всех тот самый старичок, подмигивая ребятам. – Приказ слышали, хлопцы? А ну, айда за мной до Ляксею Петровичу!

Студенты, освобождённые от пут, переглянулись и, быстро вскочив на ноги, охотно проследовали в указанном направлении через весь лагерь к рядам белых армейских палаток. Большой охраны к ним не прикрепили, ведь вокруг в полевых условиях и так был расквартирован целый пехотный полк, усиленный артиллерией, двумя ротами ополченцев и казаками.

Несмотря на всяческие старания (утопающий хватается за соломинку и прочую водоплавающую дрянь), Василий и Заурбек так и не увидели нигде видеокамер, проводов, прожекторов, аккумуляторов, не услышали ни одного сленгового словечка, никого не поймали на элементарной фальши или театральном переигрывании.

Даже лошади казались истинными детьми девятнадцатого века: строго косились на незнакомцев, прижимая уши и скаля зубы. К таким лучше вообще не подходить, не то чтоб с разбега прыгнуть на спину, развернуть за гриву и рвануть из лагеря верхом...

– Местные кони, – охотно прокомментировал старый казак, сбивая на затылок выдавшую виды папаху, – диковаты чутка, кусаются, как заразы, чужака-то нипочём до себя не подпустят. А вот за хозяином бегать могут, ровно собачонка какая.

– Дедуль, – решился Барлога, как более общительный начиная разговор, – прошу пARDону, а как к вам можно обращаться?

– Так дедом Ерошкой меня кличут.

– А по отчеству?

– Та тью...

– Ну, хорошо, хорошо. Вопросик имею, дед Ерошка, я вот так понял, что нас с другом к генералу Ермолову направили. А что он за человек вообще?

– Тебе-то что до того? Ты ж шпиён!

– Ой, вот не надо обклеивать нас ярлыками! Такие декорации понастроили, словно Карамзина за бороду держите, а в теории заговора не наигрались! Когда аулы жечь начнём? «Простая сакля, веселя их взор – горит, черкесской вольности костёр!»[4 - Цитата из поэмы М. Ю. Лермонова «Измаил-Бей».]

На этот раз старик остановился так резко, что парни обошли его с двух сторон, не сбавляя шага. А когда обернулись, он уже держал в руке длинный узкий кинжал.

– Язык бы тебе подрезать, балабол, чтоб не болтал им зазря об чём и разумения не имеешь! За Ляксея Петровича и голову сложить не жалко, он любому солдатику, казаку ли, да и как есть простому человеку – первый защитник! Пулям не кланяется, за чужие спины не прячется, смерти не боится. Вот

татарин-то твой сам с какого тейпа будет?

– Во-первых, я не его, – вставил доселе молчавший Заур. – А во-вторых, я черкес.

– А то ж я не вижу? Лучшей скажи, ты мирной али нет?

– Мирной. Тьфу, то есть мирный, конечно. Позвольте представиться, Заурбек Кочесоков из...

– Нам оно без надобности... – Дедок демонстративно медленно убрал кинжал в ножны. – Про то начальству доложишься. А покуда шуруйте-ка оба, не доводите до греха!

Дальше шли молча. Второкурсник Барлога надулся на весь мир, вдруг осознав, что чудаковатый дедушка Ерошка не шутит – кинжал у него был явно боевой, выдавший виды, и в ход он его пустит не задумываясь. А вот младший студент, быстро сделав правильные выводы и ни на что более не отвлекаясь, жадно впитывал всё происходящее вокруг, ибо о подобном уроке живой истории можно было только мечтать.

Военные лагеря девятнадцатого века отличались в первую очередь многоцветьем. Форма частей была разной: каждый полк, батальон, даже отряд мог иметь свои цвета лампасов и головных уборов, свои знамёна, собственное индивидуальное вооружение, и так вплоть до ярких отличий чепраков или даже формы сёдел.

Высокие казаки Лабинского полка носили нарядные синие черкески с красными отворотами, предпочитая лёгкие кавказские ружья российским. А терцы-пластуны, наоборот, одевались как можно неприметнее, в потрёпанные черкески и шаровары из серой или коричневой ткани, старые папахи, растоптанные кавказские чувяки, выглядя на фоне блестящих офицеров и аккуратных солдат едва ли не бомжами. Разве что оружие их почти всегда сверкало серебром.

Офицеры были одеты по столичному фасону, в строгие мундиры или же свободно копировали наряды кавказцев. Многие даже носили тяжёлые бурки, несмотря на летнюю жару. Почти все принадлежавшие к офицерскому сословию, были молодые, стройные, подтянутые, что свидетельствовало о постоянных

физических нагрузках, верховой езде и необременительном питании.

Кстати, и сами лошади были разными. Знаменитые кабардинские породы соседствовали с арабскими и донскими. Схожая масть, как, допустим, на каком-нибудь петербургском парадном выезде, на войне не требовалась. Каждый офицер или казак мог иметь сменную лошадь, а тех крепышей-меринов, что тягали пушки, естественно, не использовали под седлом. Стоящие отдельной группой усатые артиллеристы отличались ростом и шириной плеч, им приходилось таскать ядра, разворачивать лафеты, а порой и биться в рукопашной защищая свои орудия.

В нескольких местах горели походные костры, в воздухе уже разносились запахи горячей пшённой каши. Картина военного лагеря на фоне кавказских гор была достойна кисти Верещагина или Горшильта, Гагарина или Лансере. Но главным было не это...

* * *

Чёрный Эну уже дважды совершал длительные экспедиции на Тиамат и считался опытным владыкой. Казалось, время было не властно над его волей. Впервые ему передали корабль ещё на старой тяге, когда межзвёздный путь вдоль вытянувшихся в линию планет позволял добраться до вожделенных богатств голубой планеты. Раньше они просто добывали здесь золото и другие металлы, потом перешли на алмазы, и речь вовсе не шла о банальном ограблении туземных колоний.

Нет, они в разумных пределах делились с примитивным населением всеми знаниями, которые мог воспринять их ограниченный мозг. О боги, да Верховные периодически даже устраивали селекцию людей в ряде племён, лишь бы создать касты образованных жрецов! И уже те терпеливо, с завыванием и плясками пытались учить дикарей выращивать злаки, печь хлеб, обжигать глину... Самые развитые оказались способны воспринять примитивные уроки космографии: движение небесных тел и календарные циклы, построенные на математических расчётах чётных чисел.

За всё это безмозглые аборигены с Тиамат всего лишь были обязаны пожизненно поклоняться им как богам! А редкие металлы и камни – разве это плата за учение? Скорее уж насмешка над теми, кто мог вообще лишиться их

существования, едва ли не по мановению ока.

- Корабль готов к посадке, бвана!

Эн вновь поймал себя на том, что много думает, а это небезопасно. Когда в голове тесно мыслям, то скучающий ум всегда найдёт тропинку к извращениям. Так что жертвы и ещё раз жертвы, много жертв...

* * *

- Стойте, хлопцы.

Старик остановился в десятке шагов от серой армейской палатки, ничем не отличимой от остальных, и помахал рукой двум офицерам. Те приветствовали его не чинясь, пожав руку как равному.

- Кто это с тобой, дед Ерошка?

- Так бес же лысый их знает! По всему видать, что они и есть шпиёны англицкие, - охотно рассмеялся старый казак. - Мы их на перевале взяли у речки. Понашему болтают - дай-то бог, не отличишь, тока слова мудрёные вплетают! Татары конные[5 - Имеются в виду так называемые «кавказские татары» - собирательное название всех мусульманских народов Кавказа, бытовавшее в XIX - начале XX в.] их не турнули, наиб[6 - Наиб - здесь: мусульманский наместник, начальник.] с мюридами[7 - Мюрид - здесь: мусульманский послушник, последователь.] даже хлеба трохи им дал. От же ж как...

- Ду ю спик инглиш? - спросил было один из офицеров, но в это время полог палатки откинулся:

- Прибыли, значит. Заходи оба! Ждал вас!

Знаменитый генерал был в простой нижней рубашке, зелёных шароварах с лампасами и высоких сапогах, походный мундир без наград небрежно наброшен на плечи. Сам ростом под два метра, если не больше, на голове львиная грива волос, никогда не знавшая гребня и, быть может, попортившая немало крови

цирюльникам, а под ней широкое лицо и пронзающий взгляд немигающих стальных глаз. Ермолова достаточно было увидеть всего раз в жизни, чтоб не забыть уже никогда. Как уважительно говорили горцы, «горы дрожат от его гнева, а взор его поражает на месте, как молния»...

– Здравия желаем, – за двоих попытался ответить Василий, но могучая рука, поймав его за ворот, едва ли не зашвырнула его в палатку. Решивший не испытывать судьбу господин Кочесоков быстренько шагнул следом сам.

Внутри не было ничего особенного: земляной пол посыпан золотистой соломой, на нем стоит простая солдатская кровать, накрытая серой шинелью, грубый табурет со сменой одежды и деревянный раскладной походный столик с подробной картой Кавказского хребта и прилегающих территорий, а на стенке палатки висят тяжёлая сабля в железных ножнах и два кавалерийских пистолета. Вот и всё.

Алексей Петрович всегда выделялся среди высшего командования суворовскими привычками, доходящими до аскетизма. Ел мало, из общего котла, водку пил крайне умеренно, на жару и холод особо не реагировал, перед боем, отойдя от строя на два шага вперёд, вслух читал молитву и шёл на противника первым. Подчинённые его боготворили, а солдаты в буквальном смысле были готовы идти за него на смерть.

– Голодные? – первым делом спросил он и крикнул: – Эй там, подать хлеба, сахару и горячего чаю! Да вы садитесь уже.

Студенты безоговорочно присели на ту же кровать, генерал Ермолов тяжело опустился на стул, не сводя с них пристального взгляда.

– Откуда?

– Из Москвы.

– К чёрту город, из какого вы века?

– Двадцать первый, год две тысячи двадцать первый, двадцать шестое июня по новому стилю, – послушно отчитался Заурбек, пока его старший товарищ, едва

не высунув язык, во все глаза смотрел на одного из самых легендарных героев российской истории девятнадцатого века.

– Всё верно, всё так, – сверившись с какими-то собственными воспоминаниями, облегчённо выдохнул Ермолов. – Значит, как ранее было предназначено, так и сбывается... Я должен был вас дождаться, мне были обещаны два линейца не из нашего времени.

– Предназначено? Ну, шикардос, как говорится... – начал было Вася, но тут же полетел с кровати, словив молниеносный удар львиной лапой.

– Ты мне подержи ещё тут, мальчишка! – беззлобно предупредил генерал. – Уже давно было сказано: «Когда будешь ты на Кавказе, так после дела под аулом Дадыюрт, жди короткое время, и приведут к тебе двух парней, как бы не от мира сего. Они же и есть те линейцы...»

– Простите, как нам к вам обращаться? – осторожно спросил Заур, пока его друг пытался встать на четвереньки и вытряхнуть солому из уха.

– По чину.

– Как скажете. Ваше сиятельство, видимо, произошла какая-то ошибка. Меня зовут Заурбек Кочесоков, а это мой старший товарищ, Василий Барлога. Мы оба студенты исторического факультета московского вуза. К вам попали случайно, а вы не в курсе, как нам вернуться? – он прервался, потому что в этот момент в палатку внесли медный поднос с ломтями нарезанного белого хлеба и три глиняные кружки горячего травяного чая. – В общем, мы не участники разворачивающихся здесь событий, не хотели никому мешать и были бы рады...

– А жить ты хочешь?

– Э-э... странный вопрос...

– Так вот, Заурбек Кочесоков, – по-отечески заботливо протянул Ермолов. – Ты, я вижу, из кавказцев. Черкес или чеченец?

– Черкес он, – влез Вася.

– Без разницы. Для всех наших ты – татарин. Лучше мирной, кунак[8 - Кунак – у кавказских горцев: друг, приятель (от тюрк. конак; кунак – гость).] вот этого русского увальня.

– Да вы просто неожиданно ударили, я сгруппироваться не успел, а то бы... – Барлога точно так же словил вторую оплеуху, на этот раз едва не вылетев из самой палатки.

– Значит, вот как? – не повышая голоса, продолжил знаменитый генерал. – Вижу, что мозги у тебя есть, традиции знаешь, так вот одевайся-ка словно местные: ичиги, черкеску с газырями, папаху высокую, кинжал на пояс – и от друга своего ни на шаг. Да, и не болтай ты как образованный! В горах таких профессоров мало, раскусят в единый миг и на ремни порежут.

Покосившись на вползающего калужанина, господин Кочесоков быстро сообразил, что кивать надо молча, отвечать когда спросят, а дурацкие вопросы не задавать вообще.

– Молодца. А ну-ка, скажи чего-нибудь?

– Вах! Что такое, уважаемый, ничего ны знаю, никакого ны трогал! Кароче, вчера с Казбека спустился, соль искал, а так сапсэм дикий, дитя гор, э!

– Порадовал старика, – скупой улыбнулся Алексей Петрович, попытался расчесать пятерней непослушные кудри и поманил пальцем Василия. – Теперь ты слушай. Чин тебе дарю подпоручика, мундир, эполеты, оружие – бери, с приятелем своим на линию пойдёте. В придачу кого из казачков вам дам, для связи. Докладывать только мне! Всё ли поняли?

Разумеется, ни тот ни другой не поняли ни черта. Ну, кроме того, что если будешь тут права качать, так живо получишь по шеем. Ребята переглянулись: с одной стороны, переходы во времени никого особенно не радуют (начитанные на всю голову психи – редкое исключение), с другой – реферат теперь сдавать не надо, потому что некому, зато приключения светят аж по самое не балуйся.

Спешить вроде как тоже некуда, а уж такая историческая практика, как полноценное участие в боевых событиях кавказских войн Российской империи вообще тянет как минимум на кандидатскую. Тогда какой смысл от всей этой

роскоши отказываться? Огнище же!

Генерал привстал, негромко свистнул, и в ту же минуту в палатку сунулся немолодой подполковник.

– Ваше сиятельство?

– Драгомилов, друг любезный, не откажи в услуге, вот этих двух молодцов надобно приодеть, вооружить, расквартировать при полку. А поутру гони их с дедом Ерошкой... куда следует!

– Будет исполнено! – Подполковник зыркнул на ребят: – За мной!

Алексей Петрович ещё раз посмотрел в глаза Васе и Зауру, поочерёдно обнял обоих студентов, отечески расцеловал в обе щеки, вытер набежавшую слезинку и напутствовал:

– Линию держать как следует! Ну, а случись что... все под богом ходим... за похороны не переживайте, своими руками по три горсти земли брошу и панихиду закажу.

– А-а без панихиды нельзя как-нибудь? – испуганно охнули парни.

– Можно, – задумчиво кивнул генерал. – Казаки завсегда в овраге прикопают. Только не по-людски это, не по-христиански, что ли...

На этом весь конструктивный диалог был закончен. Легендарный полководец преспокойно отвернулся, махнув рукой, а наших побледневших и так и не успевших поесть героев вывели из палатки. На этом подполковник Драгомилов быстренько счёл свои обязанности исполненными, отдав приказ подбежавшему майору. Тот в свою очередь ловко остановил пехотного штабс-капитана, он поймал поручика, тот перехватил прапорщика, а последний в свою очередь нашёл бредущего с пустыми вёдрами солдата, и уже только тот, зевая, потащился с ребятами на другую сторону лагеря, к интендантскому обозу.

Вот именно там, после недолгих примерок, уговоров, пояснений, ругани и хохота на свет божий были явлены два новых героя. Молодой подпоручик Василий

Николаевич Барлога вышел к честным людям в приталенном, зелёном мундирчике с надраенными пуговицами, белой фуражке с лаковым козырьком, чистеньких сапожках, с новенькой сабелькой в стальных ножнах на портупее через плечо. Красавчик, одним словом!

Ну и следом, путаясь в полах длиннющей коричнево-буро-синей черкески, выползло грязное чучело в лохматой папахе, сползающей едва ли не до плеч, продранных на коленях штанах и босиком. Зато на поясе его висел длиннущий кинжал в железном проржавевшем приборе, а слева на бедре болталась чёрная шашка абрека с роговой рукоятью, утопленной в ножны. В общем, такое пугало огородное надо было ещё старательно поискать по аулам...

- Вася-я, - едва сдерживая слёзы, простонал господин Кочесоков, - я не могу так ходить, надо мной ведь лошади ржать будут!

- Нашёл кого слушать! Не парься, джигит.

- А можно меня, как джигита, прямо тут застрелить из соображений гуманизма-а?

- И вот как ты себе это представляешь? - праведно возмутился Барлога, эффектно поправляя фуражку, чуть набекрень, дабы добавить к своему образу нотку весёлой лихости. - Старшекурсник исторического факультета застрелил младшего товарища на фоне кавказских войн из-за не сданного вовремя доклада?! Я на такой кипиш не подписывался.

- Ох ты ж, мать Божья, пресвятая Богородица! - не сдержался подошедший следом старый казак. - Та за что ж тебя, татарин, так изуродовали-то? У москаля-интенданта на этой черкеске собака спит, Зулейкой кличут.

- Какая собака?! - шёпотом переспросил бледный Заурбек.

- Брехливая сука да блохастая. Линяет исчѐ, как зараза...

- Вася-я, пожалуйста-а!

– Не, не, не! Даже не умоляй. Хочешь, вон, дедушку попроси, – по-быстренькому перевёл стрелки Василий. – Извините, вы не могли бы моего друга прирезать? Прямо сейчас, видите, ему очень надо!

– От же два дурня! – Дедок в сердцах сплюнул наземь. – А пошли-ка отседа до нашего огоньку, кулеш есть, начальство велело присмотреть за вами до завтра. Там уж с утречка, по зореньке, на Линию и отправитесь.

– Я в таком виде никуда не пойду.

Господин черкес окончательно на всех обиделся, забросил шашку в кусты и сел, где стоял, прямо на землю, привычно скрестив ноги. Старый казак и Барлога обменялись понимающими взглядами, развернулись и пошли подальше, не прерывая негромкого разговора. Внимания на них никто не обращал – мало ли о чём могут беседовать молодой офицер с заслуженным пластуном терского войска. И хоть вопросов у Васи было много, но самый главный буквально рвался с языка...

– Дед Ерошка, а что значит «линия»?

– А засека.

– А по-русски?

– Та и я с тобой рази ж не русским языком разговариваю? – искренне удивился старый казак, почесал короткую бороду, вздохнул и пустился в пространные объяснения. Что-то из его рассказа студент факультета истории помнил по учебникам, что-то пришлось осваивать прямо тут на месте, так сказать в онлайн-режиме.

Засека (она же черта, она же линия, она же государева заповедь) использовалась на Руси как фортификационное сооружение ещё с середины XIV века. Одна из самых больших засек защищала русские земли от набегов крымских татар, начиная со стен Бранска и вплоть до Переяславля Залесского. А ведь вещь, если задуматься, крайне простая по сути, но весьма действенная в те суровые времена.

По факту это были ряды срубленных и поваленных друг на друга деревьев, уложенных таким причудливым образом, чтобы переплетение ветвей, быстро опутываемых колючим плющом, и вес стволов попросту не позволяли растащить, сжечь, объехать или перепрыгнуть засеку. До кучи туда же добавлялись «волчьи ямы», рвы с водой, колья и прочие малоприятные прелести.

То есть быстрый конный налёт на соседей с целью весёлого грабежа становился практически невозможен, а без лошадей, пешим строем пилякать за сто вёрст вершить преступления как-то не комильфо, не говоря уж о необходимости экстренного удиранья с военной добычей.

Точно такие же засеки терские и гребенские казаки ставили по рекам Сунже и Тереку. От небольших разбойничьих групп это вполне себе помогало, но когда дагестанцы, чеченцы, черкесы, лезгины и прочие сбивались в большие интернациональные банды, то они беспощадно выжигали станицы, разрушали церкви, убивали мужчин, а женщин и детей везли на турецкий рынок. Кровь пропитывала землю там, где была мирная пашня...

– Так-от Лексей Петрович к хищникам шибко крут. Уж он-то знает, как на Кавказе всё устроено: ежели милость к лжецу проявил – ты слаб, ежели за обиду простил – ты слаб, ежели на переговоры с волками пошёл – ты слаб, ежели мстить за кровь своих не стал – ты слаб! Народец-то здешний собою силён да горд, потому и сам тока силу уважает. А гольная сила без чести что? Обман один... – вздыхал говорливый дедок, исподволь радуясь неожиданному и вежливому слушателю. – Для горца честь превыше жизни! Да и что им тут жизнь? Сам смотри – горы, камни, снег, ветер, днём зной, в ночь холод, земля неудобь[9 - Неудобь – земля, непригодная к пахоте (казач. слово).], одно небо над головою. Каждый-от, у кого десять баранов, так тот уж, смотри, и князь! Коли чужую скотину-то вор к себе загнал, стало быть, она по закону его! Пленных русских в рабство продают, а с друг дружкой грызутся почём зря, свои своих в набегах режут без всякой жалости.

– «Верна здесь дружба, но вернее мщение»[10 - Неточная цитата из поэмы М. Ю. Лермонтова «Измаил-Бей» («Верна там дружба, но вернее мщенье»)], – не дословно процитировал призадумавшийся Барлога. – Что ж, я всё понял, идём на линию, спасать мир.

– Эх, алахарь[11 - Алахарь – туповатый храбрец (казач.)], на простой линии-то и казачков с царскими солдатами достаточно.

– А вот теперь не понял?

– Оно ж и видно...

На этом разговор закончился, или, что вернее, был прерван бесцеремонным явлением взмыленного Заурбека, за которым гнались с десятков солдат и круглолицый повар в белом фартуке поверх обычной войсковой рубахи.

– Держи его, люди добрые! Прямо с кухни хлеб покрал!

– Я ничего не крал! Вася, честное благородное, не крал! – Замызганный владикавказец ринулся к институтскому товарищу, но спрятался почему-то за узкой спиной деда Ерошки. – Я поменялся, я ему кинжал взамен оставил!

Все невольно припухли, но Заур успел поправиться:

– Слушай, э! Зачем такое сказал, да?! Хлеба не крал, патрогал тока, ну там, свэжий, нэ свэжий? Кинжал тебе падержать дал, а ти ругаишься, вах?!
Нехарашо-о, э-э...

Повар грозно сдвинул брови, замахиваясь большим половником, но старый казак с улыбкой преградил ему дорогу, широко раскинув руки:

– Иди-кось себе своей дорогою, мил человек. Не дай бог там-от каша подгорит, солдатики огорчатся, так и прикладами взашей насуют.

– Сперва я энто жульё за ногу повешу! Его ж за кражу расстрелять мало!

К шумному разговору начали прислушиваться, и Барлога понял, что друга надо спасать.

– Во-первых, кто позволил глотку драть в присутствии подпоручика?! – грозно рявкнул он, изо всех сил стараясь выглядеть презентабельно.

– Так, ваш благодь, за кражу-то расстреливать положено...

– Где положено, кем положено, кто тебе такое положил?! Оговаривается он ещё! Да я тебя в Бутырку, в Кресты, в Матросскую Тишину, на каторгу, на зону, на галеры! Об Казбек башкой ушибу, в европейских газетах пропишу, корм «Вискас» ложкой жрать заставлю!

– Правильнее было бы говорить «в солдаты лоб забрею», – привычно не удержался с уточнениями джигит Кочесоков, когда повар, не выдержавший такого напора жутких угроз, позорно сбежал, рыдая в голос. А дед Ерошка меж тем развернул кавказского студиозуса к себе лицом и не задумываясь отвесил ему оплеуху:

– Теперь меня слушай, баглай[12 - Баглай – лентяй (казач.)] клювоносый! Кинжал горцу ни на минуту оставлять нельзя! Кинжал с малолетства носят, везде, как спать ложатся, под подушку кладут. Без него ты не мужчина, а пёс драный. Оружие николи на хлеб не меняют, позор это несмыаемый!

– Ай-яй-яй, стыд и срам на весь исторический факультет! – печально покачал головой Василий. – Что скажут ваши почтенные родители, господин Кочесоков?

– Чья бы корова мычала, а твоя б жевала мочало! – Довольный собой Барлога и пискнуть не успел, как столь же резко словил по шее. – Ты пошто, чудак[13 - Чудак – странный, дурной; в данном контексте оскорбительное (казач.)] своего кунака бросил? Татарину в русском военном лагере не место, мало ли кто чего подумает, а он, голодный, аж ради краюхи хлеба кинжал с пояса снял! Разве так дружбу дружат?

Оба наших героя покаянно повесили головы. Втайне ни тот ни другой себя нисколько виноватыми не считали, но раз уж действия разворачивались таким вот причудливым образом, следовало всё-таки соответствовать. После минутного размышления ребята принесли устные извинения строгому, но справедливому дедушке со смешным именем, после чего проследовали за ним к дальнему ряду костров.

Казачи традиционно ставили свои шалаши поближе к коням, подальше от начальства, одновременно охраняя военный лагерь. Считалось что вольные джигиты (они же абреки, разбойники, хищники, налётчики, волки и прочее) на большие отряды нападать не дерзают, но украсть лошадей или похитить неопытного зазевавшегося солдата вполне способны.

Терцы охотно дали гостям место у костра, где на огне вкусно попыхивала обычная ячневая каша с луком, салом и дымком. Если вспомнить, что тот же Заурбек с утра ограничился чашечкой кофе, а потом отказался есть лаваш с козьим сыром, то парень настолько изголодался, что никак не отреагировал на наличие в каше нехалыального[14 - Здесь: не приготовленного в соответствии с мусульманскими законами.] продукта. Кто-то даже ухмыльнулся на этот счёт, но в целом внимания заострять не стали: не принято. Казаки в массе своей весьма деликатный народ. Меж своими так вообще жуть какой вежливый.

Да и как иначе выжить в сообществе жилистых, brutальных мужчин, когда у каждого кинжал на поясе, шашка на боку и ружьё за плечами? Собственно, у них и женщины такие же: первыми бьют не задумываясь и сдачи дать не скупятся. Дети и старики отдельная тема, мы к ней потом ещё вернёмся.

А за плотным ужином, да стаканчиком кислого чихиря[15 - Чихирь – молодое неперебродившее вино.], людей потянуло на разговоры. Любопытствующий коллектив требовал общения.

– Слышь, твоё-от благородие, а чой сейчас поють в столицах-то? – как можно вежливее поинтересовался самый молодой из казачков, на вид едва лет семнадцати.

– В столицах-то? – старательно подражая манерам речи девятнадцатого века, Василий постучал себя кулаком в грудь. – Разное поют-с. Но попробую воспроизвести одну мелодийку. Уж простите, нонче не в голосе... Как же там? Кхм, гм... агась...

Я ночной хулиган, я похож на маман, но курю я план,

У меня есть наган, и я типа пьян!

Но я дерзкий зато и всегда в пальто,

Хоть ношу манто!

– Вы с ума сошли, это же песня Билана, к тому же старая, как экскременты мамонта! – зашипел ему на ухо образованный черкес.

– Ну и что? Они-то этого не знают.

– Нам нельзя менять историю!

– Не нуди, с одного раза не запомнят.

Эти запомнили.

Наутро пластунский взвод терского полка уходил на новую позицию, вразной топоча сапогами, но слаженно горланя на весь лагерь:

Эй, маман, держи карман, растудыть тебя в качан!

Твой сыночек-хулиган, шибко дерзок, вечно пьян!

Куды смотрит атаман?

О, рада, рада! О, рада, рада!

Куды смотрит атаман?!

Про атамана нам ничего не известно, но Заурбек, кусая губы, с укором немой ярости смотрел на старшего товарища, а тот делал вид, будто с интересом любуется розово-голубыми утренними облаками.

– А что, они красивые... Шикардос ведь, правда?

С этим вряд ли можно было бы поспорить, хотя взгляд учёного человека наверняка мог бы отметить неестественный изумрудный оттенок по самому краю. словно белый лебединый пух обвели по контуру разбавленной медицинской зелёной. И у этого явления была своя причина...

* * *

Несмотря на впечатляющие размеры и вес, «Нергал» приземлился почти бесшумно. Проверенное плато было подготовлено ещё тысячелетие назад, а зелёные лучи прожекторов указывали точное место посадки. Роботы технического сопровождения ожидали прибытия крейсера уже два года. Горы надёжно скрывали базу, а войны, которые одни туземцы вели против других, создавали идеальное прикрытие для переброса на Тиамат любых сил

межпланетного воздействия.

Чёрный Эну всегда был противником новых веяний и, как представитель старой школы колонизации, не стеснялся жёстко указывать нижестоящим на их место. А выше него в этой экспедиции был лишь мифический бог Мардук Бесконечный, чей горделивый профиль ему вытатуировали на левой стороне груди ещё несколько столетий назад. Именно грозным именем этого бога владыка периодически выжигал непокорность или недостаточную почтительность в этом мире.

– Доложите обстановку.

– Всё идёт по вашему плану, бвана. – Капитан жестом приказал двум распластавшимся жрецам подползти ближе. – Верховный пожелал выслушать вас.

Жрецы были уже немолоды – туземцы вообще безвозвратно старели за какие-то восемьдесят-девять лет. Их глаза казались лишенными блеска, суставы скрипели, кожа напоминала сухую серую землю с вкраплениями черных камней и красной глины. Но исходящий от них запах был приятен владыке: это был запах безудержного страха...

– Говорите, – милостиво кивнул он, опуская бронированные веки.

Те пустились в долгий и обстоятельный рассказ о сошедших богах, воле небес, здешних народах, порохе, дамасской стали, неразрешимых проблемах между Иисусом и Магометом, великих армиях, реках пролитой крови, ломаной линии, за которую нельзя преступать, ещё каких-то малозначительных деталях, напроць загнувших главную тему – золота больше не будет, поскольку туземцы вдруг сами осознали его ценность.

Жрецы спешили высказать всё, ведь они прекрасно понимали, что не выйдут живыми из покоев Чёрного Эну. Он тоже знал это. Никто не строил иллюзий.

* * *

Вася и Заур, также поднятые ни свет ни заря неумолимым старым пластуном, получили на завтрак по ломтю черного хлеба с солью и диким чесноком и честно намеревались встать в строй, но дед Ерошка, кряхтя, пояснил, что у них немножечко другая задача.

– Получается, мы тоже идём на Линию, но не туда, куда все?

– Навердь того, офицерик, – туманно ответил старик, потом порылся в каком-то мешке и достал оттуда старые кавказские чувяки[16 - Чувяки – кожаная обувь с мягкой подошвой, распространенная среди жителей Кавказа и Крыма.] из почерневшей сыромятной кожи. – Эй, татарин! Держи-от, всё лучше, чем босиком по горам чикилять[17 - Чикилять – хромать (казач.).].

Заур с содроганием принял подарок, мысленно представил, с кого и когда их сняли, насколько реален риск подхватить в этой обуви какое-нибудь грибковое заболевание, убедился, что велики они ему минимум на размер или два, но в конце концов признал – увы, да, это по любому лучше, чем идти босым.

– И кинжал свой заberi, повар мужик незлой.

– Спасибо вам большое, дедушка Ерофей.

– А как тебе говорить надобно? – досадливо поморщился старик.

– Спаси Аллах тваю доброту, пачтеннейший! Такой красивый туфель падарыл, э-э?!

– Ай-яй, егупетка[18 - Егупетка – подхалим, подлиза (казач.).], подлиза такая, вот ведь можешь, как попросят...

И пусть ребята не вполне всё понимали, но главное уяснили быстро – надо держаться друг дружки, потому как в этом историческом отрезке никакой помощи из будущего ждать не приходится. Сами, всё сами! К тому же оба немало читали, смотрели фильмы и худо-бедно представляли себе, если уж куда довелось попасть вдвоём, то и вернуться обратно можно лишь в том же составе. Так принято – законы жанра, как ни крути...

Дед Ерошка лёгким пружинистым шагом направился к ближайшему перелеску, едва ли не на корточках нырнул в низкий прогал меж кустов орешника и ни разу даже не обернулся посмотреть, как там его подопечные. Они, разумеется, тоже старались как могли, но сдались меньше чем через час. Оба просто натёрли ноги. Василий, как оказалось, и близко не представлял себе, что такое правильно наматывать портянки, ну и в заскорузлых чувяках на размер больше, чем надо, тоже особо далеко не пробежишь.

- Нам кобзда! - поймав страдающий взгляд друга, признал взмокший Барлога. - Может, привал устроим, а?

Старый казак и усом не повёл.

- Дед Ерошка, я говорю - мы всё, приехали, если что, дальше без нас!

Но их проводника, похоже, такие незначительные мелочи и близко не волновали, он как шёл, так и на секунду шага не сбавил.

- Скажите хоть, в какой стороне лагерь? Мы генералу Ермолову, Алексею Петровичу, жаловаться на неуставное отношение будем!

Последний вопрос, совмещённый с угрозами, повис в сумрачном лесном воздухе. Дед-пластун незаметно растаял среди густых ветвей осин и вязов. Заур и Вася уныло посмотрели друг на друга. За какие-то полчаса блуждания неведомыми тропками по лесу они настолько потеряли ориентацию на местности, что, естественно, не представляли, откуда собственно шли и в какую сторону теперь возвращаться.

- Так, джигит, я где-то слышал, что мох на деревьях всегда растёт только с северной стороны.

- И каким чудом нам это поможет?

- Мы будем знать, где север!

- Уважаемый Василий, вы гений! Вот вам пень, вот мох - правда, он покрывает его полностью, но допустим, что север везде. И-и? Что дальше-то?

– Я откуда знаю! Вот предложил бы что-нибудь сам? Критиковать любой дурак может!

– Писарев, Белинский и Чернышевский дружно перевернулись в гробу.

– Ха, в их времена не было интернета и троллей! Чернышевский бы так огрѐб за свои потаѐнные сны с Верой Павловной-с...

...В общем, как все поняли, разговор был о чём угодно, лишь бы не по делу. Ещё спустя какое-то время оба умника вспомнили, что они ещё и Фенимора Купера читали. Если кто не понял, эти двое приняли самонадеянное решение выследить опытного пластуна в густом лесу по примятым листочкам, опавшей хвое и сломанным под его ногой веточками. Типа, если у Чингачгука с пером такое получалось, то чем они хуже?! Пошли не торопясь, естественно, босиком, держа обувь под мышкой. Ну и надо ли говорить, что из этого вышло...

– Вася, я, кажется, во что-то чавкающее наступил.

– А я тебе говорил, смотри под ноги... Ай! Меня какая-то сволочь за пятку укусила-а!

– Не змея?

– Что, тут есть змеи?! Ну всё, мне, кажется уже плохо, голова кружится, в глазах резь... Слушай, а ты можешь отсосать яд? Нет, не в этом смысле... Ой!

От еловой шишки, летящей в башку, старшекурсник увернуться не успел. Но и Заур в свою очередь поскользнулся от резкого движения, опрокинувшись на спину, а при попытке встать вляпался во что-то ещё и руками.

– Вася-я! Кто это сделал? Я его задушу, я его вот этим же кинжалом кастрирую, я ему...

– Если только он не медведь, – философски буркнул господин Барлога и тут же поправился: – Нет, я чисто предположил. Они же тут не водятся, да?

Из леса вслед ему раздался глухой рёв крупного зверя. Джигита и офицера приподняло и подкинуло. Кажется, они начали перебирать ногами уже в воздухе и рванули от опасного места напрямик в неизвестность, где, если на минуточку задуматься, могло быть ещё хуже. Но когда за твоей спиной пыхтит настоящий медведь, то разумом правят инстинкты. Вернее, всего один – инстинкт самосохранения.

Остановились они, лишь выскочив на излучину реки, где за кудрявой изгородью плюща в небольшой заводи плескалась девушка. Молодая, красивая, с длинными чёрными волосами и совершенно голая. Видимо, в простонародной среде кавказских народов купальники в те годы ещё не вошли в повседневный обиход.

Ребята дружно замерли, распахнув рты, и как можно тише опустились на корточки. Красавица стояла к ним спиной, буквально в трёх-четырёх шагах, повернув голову в полупрофиль и отжимая блестящие мокрые волосы. Кажется, она могла бы даже слышать биение двух возбуждённых сердец, но по каким-то своим, кокетливым причинам не спешила оборачиваться.

На раскрасневшихся физиономиях Заурбека и Василя невольно расплылись счастливые улыбки. Бонус был крайне приятным...

– Что ж, хороша девка? – вкрадчиво раздалось сзади.

– Хороша, – практически в один голос сладострастно прошептали студенты-историки, и стальные клешни подняли их за уши.

– Я от вас научу, щеня шкодливая, как за внучкой-то моей подсматривать!

Парни было взвыли, но заткнулись в тот же миг, поскольку каждый увидел перед своим носом чёрное зияющее дуло. Всё та же красавица-брюнетка, уже в длинной белой рубахе на голое тело, держала в руках длинноствольные черкесские пистолеты с железным шариком вместо спускового крючка и большим костяным набалдашником на конце изогнутой рукояти.

– Пристрелю-от без жалости! – Ни тяжёлый взгляд, ни холодный голос девицы оптимизма не добавляли. – Дедуль, откачнись в сторонку, ща я их шмальну!

– Чего завелась-от, Танюшка? – широко улыбнулся дед Ерошка, не выпуская жертв, но тем не менее прикрывая их обоих. – Энтот ж те самые линейцы. Их сам Ляксей Петрович на Линию отправил. Велено довести и присмотреть!

– Дедуль, ты выпил, чё ли? Какие из них линейцыто?!

– От сама и спроси. Пистолетики опусти тока, не ровён час палец по курку скользнёт, стрельнёшь хлопцам в лоб, пулю потратишь почём зря!

Дедушкина внучка (так и хочется продолжить: брюнетка, спортсменка, казачка и просто красавица) медленно опустила стволы узорных пистолетов. Пара молодых людей, тихонечко выдохнув, отступили на два-три шага, чисто на всякий случай, мало ли чего...

– Отворотились оба!

Владикавказец с калужанином безоговорочно выполнили вежливую просьбу, значимо подкреплённую огнестрельным оружием. Разговаривали уже исключительно шёпотом:

– Кстати, чисто исторически женщинам на Кавказе не позволялось одеваться в мужскую одежду... Это же моветон и полное нарушение всех основ!

– Думаю, и казачкам тоже, хотя у них вольностей побольше было. Но чтоб войсковой атаман или сам генерал Ермолов такое разрешил? Нет, не верю! Не может такого быть!

– Однако есть. Но поддержу вас. И, между прочим, мне она сразу не понравилась!

– Всё-таки грубость как-то противоестественна для женского пола, не правда ли?

– Совершенно согласен, коллега. Маньячка выросла, не зная берегов.

– У нас во Владикавказе вообще не принято, чтобы девушка в присутствии старших позволяла себе угрожать жизни незнакомым мужчинам, которые ей и

слова не сказали.

- Да, да, увы, жуткое падение нравов.

- Ну что ж, хлопцы, - ободряюще позвал их старый казак. - Не хотите ли с внучкой моею от души поздороваться?

- Позвольте представиться...

- Нет уж, вы позвольте...

- Барлога Вас...

- Заур Кочес...

Студенты сломя голову, толкаясь и отпихивая друг друга, наперегонки кинулись знакомиться с черноволосой красавицей в потрёпанной тёмно-синей черкеске, перетянутой в тонкой талии серебряным пояском с висящим на нем небольшим узким кинжалом, облегающих чёрных шароварах и мягких сапожках без каблуков, до колена. Оба пистолета всё так же были при ней, но на пухлых губках уже играла миролюбивая улыбка: если всё-таки и убьёт, то, наверное, не сегодня.

- Татьяна, - в свою очередь кивнула она.

- А фамилию вашу можно полюбопытствовать? - Василий вежливо приподнял фуражку.

- Бескровная.

- Э-э... - У Заурбека вставшие дыбом волосы слегка приподняли папаху.

Почему-то скромный ответ девушки обрадовал студентов примерно как ушат ледяной воды за шиворот: оба они одновременно перевели фамилию казачки как «убивающая без крови». Это было жутковато до дрожи в коленях.

Меж тем Татьяна Бескровная, коротко поклонившись парням, вернулась к ожидающему в сторонке деду. О чём они там шептались, доподлинно неизвестно, но старый казак всё больше ухмылялся в усы, многозначительно пожимая плечами и возводя невинные глаза к небу. Вроде как лично он тут абсолютно ни при чём, начальство приказало, стало быть, им видней, а уж как куда кривая вывезет, про то, поди, одному только господу богу и ведомо...

Его красавица-внучка, в свою очередь, тоже итальянской жестикуляции не демонстрировала, разговаривала ровно, уважительно, вслух не матерясь. Но вот некоторые взгляды, как бы вскользь брошенные на наших героев, свидетельствовали о том, что она их даже близко не считала за мужчин, скорее за пару раскрашенных дымковских игрушек. Вот этот военный, а этот горец, один в зелёном, другой в коричневом, и ума у обоих примерно как у пытающихся вылупиться цыплят. И будь её воля, она бы их, как лиса, прямо со скорлупой съела.

– Та вы что ж запоздали-то? – наконец дед Ерошка соизволил обратить внимание на молодых линейцев. Оба, не сговариваясь, подняли правые ноги. – Агась, спасибочки Ляксею Петровичу, удружил! Видать, порешил из меня на старости лет няньку какую сделать!

Василий и Заур виновато опустили глаза.

– Так-от ты, офицерик, прыгай-кось сюды, будешь учиться портянку мотать. А ты, татарин...

– Я черкес.

– Шуруй отсель, пятки в речке мыть! Не ровён час, мухи на навоз слетятся.

– Да он случайно наступил! – вступился Барлога. – За нами, между прочим, медведь гнался!

– Сам ведмедь?! Да неужто? Ай-яй-яй... И рычал от так-то страшным голосом? – старик, запрокинув голову, легко издал протяжный медвежий рык. – Права Танюшка-то, нам с ней проще вас на ручках к Линии отнести! Не то ить пропадёте тут ни за грош...

Возможно, в другой ситуации ребята хотя бы покраснели. Но за последнее время им так часто приходилось чувствовать себя полными идиотами, что начал вырабатываться иммунитет. Поэтому Вася с Зауром, стыдливо посмотрев друг на друга, лишь нарочито громко рассмеялись, хлопая друг друга по плечам: типа, вот уж подколол так подколол пенсионер, вах, крутейно, прям в цветую, да, э-э! Улыбаемся и машем...

Пока Барлога терпеливо осваивал сложное искусство правильного пеленания ступни перед засовыванием оной в сапог, наш черкес кое-как отмыл ноги в горной речке, используя глину, пучок травы и ледяную воду. Как оказалось, носить почти окаменевшие чувяки тоже так себе удовольствие, ближе к мечте мазохиста.

Ну и поскольку лишних шерстяных носков ни у кого не оказалось, пришлось мотать те же портянки, отрезав два куска ткани с подола драной черкески. Еще в обувь напихали сухих листьев – так она хотя бы не спадала. Смиловитившийся дед Ерошка пообещал на ближайшем привале подогнать «золушкины туфельки» по ноге.

– А когда у нас привал?

– А вот как я устану, так и будет, офицерик, – бодренько откликнулся старый казак.

По всему выходило, что отдых двум студентам светит примерно послезавтра, не раньше. Что поделаться, судьба...

– Да шутю, я шутю! Чего ж морды-то кислее айрану? Дальше верхами пойдём, весело, вона внучка моя лошадок приняла. До ночи на месте будем!

Действительно, черноволосая девушка выводила откуда-то из-за густой стены кустов четвёрку осёдланных лошадей, передав поводья деду.

– Гнедой мой, хоть-от и не молод, зато шаг у его тихий. Каурая зла да кусача, к тому ещё задом козлит – никто окромя Татьяны на неё сесть не сможет. Буланыйот дурак дураком, порой своей тени пугается. А вороной упрям, как чёрт, встанет над пропастью – и не сдвинешь его, ни туды, ни сюды...
Выбирайте, хлопцы!

Собственно, выбор как таковой отсутствовал напрочь. Современные молодые люди свободно владеют сложной компьютерной техникой, легко сдают на права, водят машины, байки, малокаботажные суда, велосипеды, скутеры, в конце концов те же самокаты или даже скейтборды, но чтоб живую лошадь...

Это тебе не бездушная техника, где вставил ключ зажигания и держи руль два на восемь, мягко топи в педали, проверяй уровень бензина и смотри за знаками на дороге, вот и всех делов. На коняшку так просто не вскочишь, а если попробуешь, то где сядешь, там и слезешь. Она животная капризная, со своим характером, привычками, взглядами на жизнь. К ней, как к любому человеку, свой подход нужен.

Ребята с тоской посмотрели в бездонно-наглые глаза доставшихся им горбоносых жеребцов. Два злобных грубых зверя с мохнатыми гривами и нечёсаными хвостами переминались с копыта на копыто, упреждающе цыкая крупными зубами: типа, вас конкретно предупредили, пацаны...

– Вася, я, в принципе, и пешком пройдуся.

– Я за, пешком гулять полезно.

– Держите уже, – фыркнула молодая казачка, бросая поводья парням.

– Пешим-то ходом долго добираться, – поддержал её дед. – Опять же, местные хищники все верхами. Коли на хвост присядут, так-от хорошо, ежели кони утечь дадут, а не то беда. Бывали случаи, что пленных на кол сажали!

– Это вы в фигуральном смысле или в прямом? – покраснел Василий.

– В прямом, – немножко удивился старый казак. – А в фигуральном – энто как?

– М-м... это вам тоже не понравится, – туманно выкрутился старшекурсник, поправил фуражку и решительно потянул поводья. – А ну иди сюда, Сивка-бурка, я на тебе ездить буду!

«Ага, ща-а-аз...» – так и читалось в глазах буланого скакуна с чёрной гривой и чёрным хвостом. Барлога решительно шагнул вперёд, поймал его за оголовье и

задумался, а как садятся-то, с правого или с левого бока? «Да какая кому разница?!» – успел подумать он, промахиваясь ногой мимо стремени.

Конь включил дурачка и просто сделал шажок в сторону. Минуты полторы они так и кружили – Вася за жеребцом, а тот от него. Со стороны это походило на иллюстрацию к «Войне и миру», что-то вроде: «– Сударыня, вы обещали мне танец! – Ах, оставьте, я не такая!»

– С другой стороны подойди, – не выдержала Татьяна. – А будет кучевряться, вражина, дай ему по ушам!

Василий замахнулся и... едва успел отдернуть руку. Буланый, клацнув зубами в считанных сантиметрах от нее, словно бы честно предупредил: «Ещё раз так маханёшь и останешься без пальцев! Откушу нафиг, скока в рот уместится! И выплуну, и никто не докажет – типа, сам виноват».

Дед Ерошка молча покачал головой, подошёл к коню, посмотрел ему в глаза, отвесил звонкого щелбана в лоб и, перекинув повод на холку, взялся за левое стремя:

– Лезь давай, офицерик.

Барлога храбро вскарабкался пузом на седло, кое-как развернулся, поймал второе стремя правой ногой и принял позу Боярского. Буланый упрямец флегматично опустил голову, лоя плюшевыми губами сочные травинки.

– А ты чего ж обмер, как неродной? Вам-то, черкесам, лошади не в диковинку.

– Я на эту зверюгу не полезу, – твёрдо объявил Заур. – Вы только посмотрите на него, это же конь-убийца!

Вороной жеребец меж тем умильно прядал ушками, вертел хвостом и строил самое невинное выражение морды лица. Не поверить в его детсадовскую искренность было просто невозможно, если не обращать внимания на пылающие глаза, залитые жаждой крови...

В общем, верхом гордого кавказца сажали в четыре руки. Студент яростно упирался, орал дурным голосом, возмущался отсутствием страховки, взывал к милосердию, требовал предоставить ему адвоката и правозащитника или хотя бы просто сообщить родным, что он пал смертью храбрых! Ну и, естественно, вороной рванул с места на третьей космической без предупреждения, едва жертва хоть как-то угнездилась в седле.

- Расшибётся же, хороняка...

- Ништо, - перекрестился дед Ерошка. - Або волей божию помре, або ездить научится!

Пока голосащий Заурбек наматывал круги, остальные взяли поводья, тронули лошадей пятками и двинулись без спешки, ориентируясь по солнышку. Буланный жеребец, едва почуяв на спине всадника, мигом стал послушным умничкой, ступал осторожно, взбрыкиваний не позволял и на разные вкусные цветики-семицветики не облизывался. Барлога сразу почувствовал себя важным барином, объезжающим леса родового поместья.

А вот тот же вороной непарнокопытный чёрт, пролетая мимо то справа, то слева, месил передними воздух, вставал на дыбы, подкидывал задом, но перепуганный кавказец держался цепко! Даже орать перестал, видимо, попросту прикусив язык. Студент-историк проклял всё на свете, но с лошади каким-то чудом не упал - память предков и кавказские гены всё-таки давали о себе знать.

Через какое-то время ему даже удалось поставить своего буйного коня третьим в кавалькаде, сразу за старшим товарищем. Первым двигался старый казак, а замыкала группу его воинственная внучка, бдительно прислушивающаяся к каждому шороху в чужом лесу и не убирающая правую ладонь с рукояти длинноствольного пистолета. Но и она не видела тех, кто уже следил за ними...

* * *

Верховный не ненавидел людей. Подобное чувство было бы слишком большим снисхождением к тем, кто на неуловимый миг перед ликом Вечности прилипал к подошвам его имперских сапог. Эта планета была законной колонией ануннаков ещё тысячелетия назад, и никто не собирался всерьёз делиться её природными

богатствами с местным туземным населением. Есть вещи, которые невозможно не понять.

Одно то, что прежние владыки одаряли их крохами знаний и технологий, уже само по себе было величайшим благом и немыслимым даром людям. Но ценили ли они это? Благодарили ли денно и ночью безмолвные небеса в ожидании следующего сошествия звёздных богов? Приносили ли кровавые жертвы скота каждое полнолуние и младенцев мужского и женского пола каждую весну? Люди мало жили, но ещё меньше помнили, они слишком легко забывали свои клятвы перед теми, кто пришёл из межгалактических далей...

Внешне «Нергал» представлял собой нечто вроде конусообразной крепости из матового металла. Машинное отделение, каюты, трюмы, цеха – всё самое важное, всё, что давало ему непостижимую с точки зрения людей возможность комфортного путешествия во вселенной, скрывалось внутри. И когда корабль совершал посадку на подготовленное плато, почти семьдесят процентов его корпуса ушли в подземный бункер. Все подходы к нему также находились глубоко в каменистой почве, и поэтому для любого пытливого взгляда межпланетный крейсер представлялся лишь обычной серой горой, лишённой мха и растительности. Мало ли таких разбросано по всему Кавказскому хребту!

И это был не вопрос безопасности владыки, а скорее дань традициям. Любой приход «небесных богов» всенепременно должен быть окутан тайной. Ануннаки не понимали этого, но земные жрецы настаивали, что лишь так можно управлять стадами людей. Чёрный Эну ждал одного – момента принесения жертв, но с его прошлого визита сюда здесь что-то изменилось. Это царапало – не фатально, не болезненно, но тем не менее почему-то вдруг...

Появилась Линия. То есть она была и раньше, но тогда служила лишь некой разделительной чертой, красной линией, за которую нельзя преступать аборигенам. Наказание за это было одно – смерть. Мужчине, женщине, старику, ребёнку – без разницы. Но сейчас кто-то испытывал этот запрет на прочность...

* * *

...Если кто считает, будто бы четырёхчасовая прогулка верхом по камням и бездорожью для человека, ни разу не сидевшего в седле – это просто праздник души и тела, то не верьте лжецам.

Вначале гордый собой Василий Барлога спустя короткое время раз сто обматерил всё на этом свете, и раз двести – всё, что его ожидало на том! Кусали мухи, палило солнце, ныла поясница, жутко устали ноги, почему-то чесался левый мизинец в сапоге, эполеты давили на плечи, голова совершенно взмокла под фуражкой, висящая на портупее сабля стучала то о голень, то о колено, хотелось пить, есть, спать, слезть и умереть где-нибудь в прохладной тиши под кустиком ракиты.

Заур вполне разделял страдания старшего товарища, но, кроме всего прочего, его мучили всякие мысли. Нет, собственно, мысль-то была одна, просто разветвлялась на сотни рукавов, как устье Волги под Астраханью. Исток был где-то под Тверью и, начинаясь с тонкого ручейка: «Как мы сюда попали?», далее переходя в полноводную: «Как нам отсюда выбраться?», следом разливался почти в море паники: «А никак!!!»

Господин Кочесоков, как все уже поняли, в некоторых моментах был куда старше, умнее и ответственнее безалаберного друга Васи. И если тот, при всех сложностях, не скрывая, всё равно каким-то образом наслаждался свалившимся на их головы приключением, то мозг Заурбека буквально кипел в бесплодных попытках поиска решения и не находил его.

В тех книгах, которые читал молодой человек, или фильмах, которые он видел, у героев всегда был выбор – они знали, как именно попали в новый мир, им давали разнообразные подсказки, тем или иным способом подталкивая к выходу. Ну, хорошо, допустим, не сами герои это знали, а знали читатели и зрители, принимая задумку автора или сценариста.

Однако в данном случае не было ни единого намёка – тот, кто послал их сюда, не давал ответов и даже не ставил вопросов. Он вообще никак не проявлял своего интереса в этой истории. Пожалуй, вот это изрядно раздражало. Но было ли таким уж важным?

– Шабаш, хлопцы, покуда добрались, – громко объявил старый казак, оборачиваясь и почему-то прикладывая палец к губам.

– Псиба, – еле шевеля губами, поблагодарил офицер со второго исторического курса, мешком падая прямо в траву носом вниз.

Буланный нежнейшим образом дунул ему горячим паром в ухо, видимо, из желания как-то приободрить своего всадника. Кочесоков если и заметил странный жест деда Ерошки, то внимания всё равно не обратил, с коня слез сам, даже подмигнул ворононому, после чего при попытке сделать шаг, точно так же растянулся рядом с товарищем – нос к носу, пятки врозь, коленками назад. Куда за это время исчезла Татьяна, не видел никто...

– Подымайся, твою ж мать, ваше-от благородие! – Бесцеремонно поднимая мешок с костями, именуемый Василием Барлогой, его вежливо поставили на ноги. – Та давай-ка вот на камушке посидим, отдохманимся[19 - Отдохманимся – отдохнем (казач.).], ветерочку глотнём, а?

– Дедуль, я ни-ка-кой...

– А я те и подмогну, – бодрый старичок вытащил из седельной сумки кожаную флягу, снял с молодого человека офицерскую фуражку, наполнил её до краёв и нахлобучил парню на голову. Пока Вася блаженно обтекал, настала очередь Заура:

– Ползи сюда, татарин, шевели-от гачами[20 - Гачи – ноги (казач.).], – и уже поддерживая за грудки двух, качающихся героев, донёс до их подсознания. – Жалковать о вас не стану, хоть-от провалитесь оба. Однако ж приказ-то есть приказ, а начальство уважать надо. Ляксей Петрович человек шибко серьёзный, на ветер словами не бросается. Уж какие вы линейцы, про то ещё поглядим. А сейчас замерли...

Московские студиозусы ничего не поняли, но старый казак вдруг как мог прикрыл их спиной. Потом раздался шаркающий звук шагов, и на узенькой тропинке между валунов показалась странная старуха. Она была низкого роста, но необычайно широка в бёдрах, горбата; одета как нищенка, в самое грязное и жуткое тряпье. Крючконосое лицо в обрамлении седых сальных косм казалось запечённым в костре яблоком, а глаза сияли яркими вспышками синего света. Именно света, а не цвета – словно под сросшимися на переносице бровями включили электрические лампочки.

Старуха ни на мгновение не замедлила шаг, продолжая идти, куда шла, совершенно не обращая внимания на молодых людей и старика, замерших, словно своеобразная версия Лаокоона с сыновьями. От неё буквально исходила

волна странного тошнотворного запаха, которого, казалось, избегали даже мухи. Однако сама старуха никому ничего не сказала, ничего не спросила, а, прошаркав мимо, так же неспешно исчезла в густом смешанном лесу.

Когда шаги окончательно стихли, дед Ерошка тихо присвистнул через нос:

– Охолопись, братцы, дыши всей грудью. Танюха?

– Туточки, – из густой травы поднялась красавица-казачка, в руках у которой было тонкое черкесское ружьё с взведённым курком. – Утекла беззубая ведьма?

– Нишкни мне тут! Знаешь, какой у ей слух?! – на всякий случай перекрестился старый пластун. – Свезло нам, хранит Господь, добрались, здесь и обустроимся. Покажешь хлопцам Линию?

– Коли надо, покажу. С чего ж нет?

Оба наших героя сию же минуту воспрянули духом, приняв расслабленные позы скучающих красавцев-мачо-жигало где-нибудь на отдыхе в жаркой Ницце. Девушка поправила папаху, мотнула головой, приглашая следовать за собой, и пошла в кусты, покачивая бёдрами, словно «Испаньола», вышедшая из порта Бристоля. Два студента одновременно вывалили языки и наперегонки рванули следом. Идти пришлось относительно недалеко.

– Татьяна, Танюша, Танечка-а! Не имя, а огонь, огнище, а?! Уж позвольте мне так называть вас, как старшему по званию...

– Вах, зачём кукарекаишь такой красивый дэвушка пряма в розовый ушко, э? Ей камплимэнта нада гаварыть, а не про субординацию, да?!

– Слушай, как тебя там... кунак! А ты не слишком часто открываешь свой кунацкий рот? Вот сложи туда все свои предложения, прожуй хорошенько, зафиксируй челюсти сжатыми и так ходи. А говорить будешь, когда спросят!

– Ти мне кто – папа, мама, дэдушка? Язык распускаит, руки распускаит, сапсэм распущенный стал! Как это у вас па-русски? Дебила кусок, э?!

Бескровная обернулась ровно в ту секунду, когда один схватился за кинжал, а другой за саблю. И почему-то одного спокойного взгляда её карих глаз хватило, чтоб ребята почувствовали, что ведут себя как дети в садике «Ромашково».

– Сюда смотрите. – Казачка раздвинула руками заросли орешника. – Вот она, Линия.

Бывшие студенты сунулись за ней и едва не полетели вниз с коварного обрыва. Вася с Зауром невольно опустились на колени, не веря своим глазам – горная порода была словно срезана раскалённым гигантским ножом, располосовавшим землю вдоль каменистой речки.

– Гладкое, как стекло! – Ошарашенный Барлога обернулся к другу: – Слушай, как вообще такое возможно?

– В девятнадцатом веке? – сипло откликнулся Заурбек. – Я даже не уверен, что у нас в двадцать первом техника на такое способна. Ну, разве в Голливуде, компьютерная графика, по-другому никак...

Разрез шёл абсолютно прямо, наверное, метров двести, дальше уже изгибался под прямым углом и наконец поворачивал в сторону так, словно некто, планировавший эти земляные работы, первоначально вычертил их на карте, а после с педантичной дотошностью перенес на реальную местность. Ломаная линия начиналась от дальнего склона безымянной серой горы, пролегла вдоль широкой, но неглубокой речки и терялась в горном ущелье.

Татьяна опустилась на одно колено и выразительно постучала костяшками пальцев по краю, спекшемуся в единую зеркальную массу:

– Не знаем, кто такое сотворил. Однако ж версты на две, а то и три эта линия тянется. И вдоль уреза всегда происходит что-то. Бесов здесь видели, дэвов одноглазых, барсов с синими глазами, чёрных волков в черкесках. Раньше от думали, мол, поблазнилось, ан нет... Да вот хоть та же Мать болезней не зря тут шастает!

– Местный фольклор? – поморщился Василий, а господин Кочесоков согласно покивал.

Он, как житель Владикавказа, естественно, имел какое-никакое представление о древних местных мифах, верованиях и сказках. Поэтому после секундного размышления быстро просветил:

– Мать болезней считается одной из самых опасных ведьм на всём Кавказе, в Чечне, Дагестане, Армении и Закавказье. Появляется в образе уродливой старухи с мешком за плечами. Именно в этом мешке она, согласно поверьям, и носит все болезни. Если попросит еды, значит, жди в ауле голода. Если шкуру барана или кусок ткани – будет мор скота. Но хуже всего, когда Мать болезней погладит по голове или скажет ласковое слово о ребёнке.

– Это ты на серьёзных щах?! «Старик Мулдашев нас заметил и на астрал благословил...»

– Зря ты так, офицерик, – вступилась Татьяна, вставая и отряхивая колени. – Походи на Линию-от денёк-другой, тут и сам всё увидишь. Ну, айда, что ли?

– Куда? – хором спросили студенты.

– Секрет покажу.

– Какое чудесное и многозначительное слово... – пока Василий облизывал губы, словно бы пробуя его на вкус, скорый на ногу кавказец быстренько увязался за девушкой, которая хоть и не была блондинкой, но, казалось, явно акцентированное мужское внимание в упор не замечала, хоть ты тресни! Тут требовался иной подход.

Возможно, именно поэтому Барлога, неожиданно для самого себя, не стал их догонять, а наоборот вернулся на пару шагов назад и посмотрел вниз, примериваясь для прыжка. В принципе глубина разреза была не столь велика, метра полтора-два на глаз, так почему бы и не посмотреть, что там творится? Василий не раздумывая опёрся правой рукой о гладкий холодный край и, придерживая саблю, прыгнул вниз. Приземлился удачно, чуть завалившись набок, но вроде ничего такого уж страшного не произошло...

Молодой человек спустился вниз, прыгая с камушка на камушек. Горная река дарила прохладу, вода казалась чище хрусталя, благо в те времена никаких химических заводов, отравляющих природу, в здешних краях не было. Василий

зачерпнул воду рукой, на вкус она казалась сладковатой, и от холода ломило зубы. Шумела река, над головой сверкало солнце, изумрудные тени деревьев падали на весёлое разноцветье, где-то далеко слышались раскаты грома, в небе кружились ласточки, пели незнакомые птицы и...

– Не понял? – подпоручик поймал себя на мысли, что вот как раз пения птиц-то и не слышно. Просто доверчивый разум парня из средней полосы дорисовал идеалистическую картинку кавказских курортов, по классическим лекалам завлекающих реклам турагентств.

Но всё-таки что-то зацепилось в его памяти хотя бы на уровне школьной программы: птицы перестают петь, если чувствуют опасность. Но на первый взгляд, ничего такого видно не было. По крайней мере, пока Василий не повернул голову влево.

– Что за... как тебя обозвать-то, челдобрек неведомый?

Метрах в ста, в зарослях кустарника, угадывался всадник. Мохнатая чёрная папаха, надвинутая по самые брови, чёрная борода и усы, чёрная бурка, закрывающая почти всё тело и один глаз. Нет, не как у пирата, а просто один, словно у гомеровского циклопа. Миг, и он тронул коня. Вороной жеребец с нереально огромными, круглыми очами, ритмично пульсирующими синим цветом, словно новогодняя гирлянда, шагнул вдоль реки, и у Барлоги перехватило дыхание: конь имел лишь три ноги! Две передних и одну заднюю. И это не была травма или ампутация: жутковатый скакун был рождён таким. Рождён или кем-то создан...

– Кабздец... – негромко объявил бывший студент, бросаясь наутёк. Всадник с диким, режущим уши визгом бросился следом.

Учитывая фору, храбрый Вася успел выбежать к стене первым. Однако запрыгнуть обратно наверх не удавалось, ноги скользили по стеклянному разрезу линии, если бы над головой не грохнул выстрел и ему не протянули руку...

– Держись!

Трёхногий конь, аккуратно прыгая по камням, словно страдая водобоязнью, перенёс своего всадника на другой берег. Господин Барлога на взлёте поймал крепкую ладонь казачки, а там уже был подхвачен за воротник Зауром и общими усилиями втянут на свою сторону.

Одноглазый джигит не успел на какие-то доли секунды, стальная шашка на излёте срезала пару миллиметров с левого каблука офицерских сапог нашего недогадливого героя. Острота клинка была такой, что старшекурсник даже не почувствовал его касания...

– Спасибо, тронут, умилён, – виновато улыбаясь, покаялся второкурсник. – Что-то сдурковал я, да? Полез в одиночку на разведку. Но вы этого абрека видели? Какой у него конь? Три ноги! А ты ему глаз выбила! Единственный! В смысле, типу этому, мутному в чёрном, но он... он даже не тормознулся...

– Деду-от доложить надо, – оборвала его Татьяна, закидывая разряженное ружьё за спину. – Пошли уже.

Дорога была недолгой, но по пути владикавказец вкратце высказал калужанину всё, что он думает о его выходке. Хватило длинного ряда композиций из четырёх или пяти слов, в которых цензурными (в смысле литературными и печатными) были лишь предлоги и союзы. Покрасневший до ушей виновник всей суматохи и не предполагал, что его приятель знает такие идиоматические выражения. Даже Бескровная на минуточку прислушалась, уважительно изогнув чёрную бровь.

«Секрет» оказался всего лишь небольшой пещерой в горном склоне, удачно скрытой густой зелёной порослью молодых деревьев. Чтобы попасть туда, приходилось опускаться на колени и корячиться на четвереньках, но зато и любой, самый хитрый враг не смог бы влезть незамеченным. Секрет был и базой, и местом схрона, и крепостью одновременно.

Невозмутимый дед Ерошка ждал их внутри, сидя на небольшом камушке. Горел маленький костёр без дыма и толстые восковые свечи. На ребят дед и взгляда не поднял, сразу обратившись к внучке:

– Чёй стреляла-то?

– Чёрный абрек.

– Так они на нашу сторону не ходят.

– Он на свою и выскочил, вон, офицерика чуть шашкой не срубил. От тока из-за речки завозжался.

– Да, текучую воду они дюже не любят! – Кивком головы старик указал девушке на расстеленную в углу бурку. – Отдыхай, чего уж! Ружьишко сам почищу.

Татьяна явно хотела что-то ещё добавить, но, пожав плечами, передумала. Денёк сегодня действительно выдался суетливый, не без веселия и интриги. Оба молодых студюозуса, находящихся ныне в шкуре «попаданцев» (популярное, но жутко пошлое и богомерзкое словечко!), сначала помялись у входа, а после тихого короткого совещания осторожно присели на корточки у огня.

Первым слово взял Барлога. Да получалось, что он везде лез первым.

– Дорогой дед Ерошка! – прокашлялся историк-второкурсник, дипломатично начиная разговор с завуалированных комплиментов. – Мы предпочли бы обращаться к вам по имени-отчеству, что, несомненно, гораздо более предпочтительно в отношении столь заслуженной личности, но, уважая установленные конкретно вами границы меж банальной фамильярностью и полной невоспитанностью, решили дать вам внутрисемейное, свойское, тёплое и уютное имя Ерошк...

– По башке дать?

– За что?!

– А-от на всякий случай! Вдруг ты тут перед стариком-то необразованным изгаляешься? – Пластун пошевелил палочкой угли, стараясь, чтоб пламя не поднималось высоко и не давало дыма. – Мудрёно говоришь, хлопчик. Нехай-от за тебя кунак твой всё скажет. Эй, татарин, чё дружку-то твоему от меня натъ?

– Нормально говорить или через «вах, э-э, мамой кылянусь!»?

– Как учили.

– Понятно, я попробую, – кротко вздохнул Заурбек, на мгновение задумался и выдал эмоциональным каскадом с яростным жестикулированием: – Пачтеннейший, тут вапрос возник, э-э! Как тибе в лицо такой слова сказать, стесняюсь даже... Мой кунак, русский афицер, каторый весь Вася, ба-альшой человек, да? Так он знать очень хочет, а ни может! Щито там на Линии такой-сякой было, э-э? Пачему земля резаный, пачему у конь три наги, пачему абрек пулю в глаз паймал, а сам савсем живой, да?!

– Ну, как у нас говорят, сопливых вовремя целуют, – многозначительно, хоть и непонятно к чему заключил старый казак. – Стало быть, всё, что знаю, расскажу. А уж где чего не так, сами разрешайте, своим умом кумекайте, себе-от на ус мотайте.

Поскольку здесь речь о моменте принципиальном, то, наверное, лучше отложить говор, или балачку[21 - Балачка (от укр. балакати – разговаривать, болтать) – совокупность говоров казаков Дона, Кубани и Терека.], и на какое-то время перейти к современному общеупотребительному русскому языку. И так, о старых засечных линиях на Руси мы уже говорили раньше. Когда целый ряд естественных исторических причин (расширение границ Российской империи, обеспечение их безопасности, веками устоявшиеся традиции местного населения, вступающие в открытое противоречие с царской властью, религиозные конфликты, непосредственные интриги англичан и турок, науськивающих одни горские народы на другие, и прочее) привели к довольно затяжным кавказским войнам, практика установления пограничных линий была разумна и вполне себя оправдывала.

Другой разговор о том, что одни эту границу постоянно нарушали, а другие методично продвигали вперёд. Но именно таким образом терцы и гребенцы, регулярно уходящие в разведку, воюющие и братающиеся с горцами, первыми набрели на Линию – некое препятствие, пересечение которого даже не грозило смертью, а жёстко гарантировало её.

И вот тут надо помнить и понимать – казаки понастоящему умели драться, учителя у них были самые лучшие! Набег вайнахов, адыгов, кабардинцев или дагов не оставлял плохим «ученикам» ни единого шанса. Держать оружие умели абсолютно все жители казачьих станиц, включая и женщин, и детей. Потому что драться не на жизнь, а на смерть также приходилось всем.

Поэтому попробуйте представить себе изумление седых терских атаманов, когда их чеченские кунаки из дальних аулов рассказывали у себя в сакле дорогому гостю о зачарованной Линии, границе между миром мёртвых и живых, между нечистью и людьми, между земным и небесным.

А поскольку непобедимая русская армия неумолимо двигалась вперёд, штыками и торговлей, силой и уговорами, пушками и дипломатией, вводя Кавказ в единую семью российских народов, то рано или поздно они также встретились с пугающей неизвестностью чужой границы...

Начитанный Заур Кочесоков знал ещё из рассказов бабушки, что в горах блуждают древние легенды о могучих чёрных абреках, которые ездят на трёхногих конях, и защититься от них можно лишь текущей водой. О летающих черепах джиннов, чей огненный взгляд убивает на месте. О страшных дэвах, под три-четыре метра ростом, более похожих на покрытые мхом валуны, способных раздавить голову человека двумя пальцами. О горбатых ведьмах, принимающих облик гордых красавиц, заманивающих путников в дом и перерезающих им горло в постели ради тёплого мяса. О жутких убыхах, низкорослых, сутулых тварях, помеси человека и шакала, копающихся в свежих могилах на кладбище.

Получается, что вся эта нечисть в любой момент грозила обрушиться не только на местных горцев, но и на русских, как на незваных гостей! Меж людьми и нелюдью пролежала лишь странная ломаная Линия, вырезанная неземными богами с огненными кинжалами в руках...

– А вот Ляксей Петрович, как про ту Линию-то сведал, сразу приказ дал – никому в те края и носу не совать! Дескать, придут-от два линейца, уж они во всём энтот шабаше и разберутся. Давненько вас ждали, почитай, с прошлой зимы обходами движемся, с чеченцами да черкесами уговоры ведём, а силой на рожон-то не лезем. Хоть и Линия та что нам, что горцам – поперёк горла, как кость, встала! Да вы слушаете, что ль, а?!

Так называемые линейцы вздрогнули, захлопнули рты и с трудом отвели взгляды от спящей девушки, чьи крепкие бёдра подчёркивала скромная черкеска. На самом деле, традиционный мужской кавказский костюм идёт женщинам лишь при наличии идеальной фигуры, что в данном случае как раз таки имело место быть.

– Кочерыжки обоим поотрубаю, спички вставлю и скажу, что от так оно и было, – честно, без малейшей угрозы в голосе, предупредил дед Ерошка. – Танька моя и без того по жизни всякого хлебнула, не приведи Господь. Полезете внучку мою коробчить[22 - Коробчить – здесь: ухаживать, ухлестывать (казач.)], так-от на себя пеняйте!

– Чего полезем?.. – не поняли ни тот ни другой. – Всё, покатило по звезде! Дедуль, мы вообще-то интеллигентные люди, у нас такие вещи не приняты, любой секс только после законного брака, правильно?

– Чего-чего после брака? – в свою очередь заинтересовался старый казак.

Барлога примирительно улыбнулся, закольцовывая тему:

– Давайте считать, что мы вас услышали. Никого не коробчим, руки не распускаем, кочерыжками пользуемся только в туалете. Объясните поконкретнее, что от нас требуется на этой вашей Линии?

Дед Ерошка на смену разговора согласился, но и новое слово, видимо, тоже запомнил, отложив вопросы до следующего раза. К сожалению, чёткого ответа не знал и он. Вроде как начальству виднее, раз сюда отправили, стало быть, зачем-то надо. Его задача была их до места довести, а что там делать дальше, уж как-нибудь сами определяйтесь...

А покуда старик взял ружьё внучки, перепроверил замок, вытащил шомпол, достал из мешка тряпочку и, перейдя поближе к входу, на солнечный свет, молча приступил к чистке.

– Уважаемый Василий, нам надо поговорить, – решился первокурсник.

– Видал, какая у неё попка? – Барлога откровенно подмигнул другу. – Это же просто спираль Фибоначи! Воплощение алгебры и гармонии!

– Вася, умоляю, давайте по существу, вы вообще себе планируете отсюда выбираться?

– Ты нудный, скучный, неинтересный, некрасивый, и у меня больше шансов, понял?

– Понял. Дискуссия не задалась, – качая головой, признал Заурбек. – Я об одном, а вы о другом, я думаю головой, а вы... хм...

* * *

Ануннаки из технического отдела всей толпой колдовали над снятой головой «абрека». Мягкая свинцовая пуля, разумеется, не могла пробить стальной корпус, причинив киборгу заметный вред. Робот продолжал движение, согласно заложенной в него программе, но точный выстрел в «глаз» вывел из строя прибор видеонаблюдения. Будь заряд пороха помощнее, допустим, туземцы пальнули бы в упор из артиллерийской пушки чугуном ядром – «абрек» получил бы по-настоящему серьёзные повреждения, если б вообще не вышел в утиль.

Благо на подземных складах базы хранилось не менее полсотни таких роботизированных машин. Обычно хватало двух, максимум трёх, чтобы держать в страхе примитивные горские племена. При виде грозного «абрека» с горящим глазом, верхом на характерном трёхногом коне, доверчивые суеверные вайнахи призывали на помощь Аллаха и старались побыстрее покинуть нечистое место встречи. В таком бегстве не было стыда или потери чести, наоборот, это было единственное спасение.

Тех же, кто безрассудно рисковал вступить в схватку с боевым роботом, всегда ждала неминуемая смерть. Неумолимая машина рубила человека в куски, не реагируя на пулю в упор, пики, стрелы и даже знаменитые атагинские кинжалы, чьи клинки закалялись в «чёрной крови земли». Столкнувшись с защитой Линии русские казаки гибли точно так же, отчаянно атакуя или яростно защищаясь от неземных технологий.

Но похоже, времена изменились, сегодня киборг, пусть и впервые, но тем не менее понёс частичный урон от выстрела землянина. Чёрному Эну это вряд ли понравится.

А что ещё ужаснее, тот роковой выстрел произвела женщина, с точки зрения ануннаков – существо слабое, беспомощное и почти бесполезное. Из одной проблемы закономерно вытекали и другие...

– Кто посмеет доложить о произошедшем великому бване?

– Кто посмеет НЕ доложить ему?!

* * *

Вечер наступил незаметно. На Кавказе такое бывает – вроде бы только что сияло солнце, а потом оно случайно закатилось за край серебряной шапки горного хребта, и сразу упала ночь. Наши герои, кстати, даже не заметили короткого закатного золота, так как были очень заняты. Старый казак в пятый или шестой раз объяснял им основы военного общежития. Да-да, есть вещи, которые стоит знать, потому что всем известно, насколько постоянным бывает временное. Раз уж они попали (во всех смыслах!), то желательно было бы всё-таки научиться выживать, дабы при первой же возможности постараться вернуться домой, а это будет трудно, если тебя уже убили. Свои или чужие – в принципе, не важно.

Важно другое, то, о чём редко кто задумывается: а это быт и соблюдение ряда традиций и правил. К примеру, ходить в туалет внутри пещеры нельзя: «Не гадь, где ешь и спишь». У реки тоже нельзя: «Вода для всего живого свята». В сосновый лес по-большому не ходи – сам догадайся, почему. За трапезой ешь быстро, что дадут и сколько дадут, не привередничай, не жадничай. Из пещеры без нужды ни ногой, а без оружия вообще никуда. Спать ночью по очереди, по четыре часа, потом смена. Да и спать тоже с оружием в обнимку.

За лошадами следи – сам можешь быть голодным, но чтоб конь всегда накормлен и ухожен. По хозяйству помогают все, прислуги нет, чинами не чванятся. И самое главное, все друг за дружку горой стоят. Кто с тобою в походе рядом, тот и брат. Павших в бою на поле не бросать, хоть на спине вынеси, но похорони по обычаю христианскому, как меж людей православных принято. Шашку, кинжал, кольцо ли, что сможешь – родным покойного передай, себе без разрешения забрать нельзя – будет грех великий...

После скромного ужина из воды и бурсаков[23 - Бурсак, или баурсак – традиционное кулинарное изделие из сдобного или пресного теста, распространённое у многих тюркских народов.] крайне немногословная Татьяна, закинув за спину черкесскую винтовку, была отправлена в дозор, скрывшись в кустах, словно скользящая тень, не потревожив ни одного ракитового листочка. Вася с Зауром в четыре руки навели порядок в пещере, убедились, что большое деревянное ведро полно воды, бочонок с порохом сух; маленькая поленица дров сложена в углу, мешки с сухарями, крупой и солью стоят на месте; три толстые бурки разложены на земляном утоптанном полу; шесть кавказских ружей в меховых чехлах прислонены к стене, четыре турецких пистолета – проверены, почищены, заряжены; три черкесских шашки с утопленными в ножны рукоятями и добрый десяток кинжалов – заточены, отполированы, смазаны.

Господин Кочесоков, у которого при виде такого арсенала просто разбежались глаза, пользуясь случаем, тут же побежал к деду Ерошке за разрешением хотя бы временно приобрести себе холодное оружие получше и побогаче, но ответ получил отрицательный:

– Кинжал тока армяне покупают. В бою добудешь.

– Да я сейчас куплю, – Заурбек достал из пустого гнезда для газырей хозяйственно сбережённые ещё на момент переодевания у интенданта, свернутые в трубочку четыре купюры – двухтысячная и три сотенных. – Не подумайте, у меня деньги есть!

– Ты точно черкес, а не армянин? – старик с интересом осмотрел новые банкноты с Крымским мостом и Большим театром в Москве. – Сказано, нет! Но бумажки-то не выбрасывай, ими огонь разжигать дюже хорошо...

Посрамлённый в лучших чувствах владикавказец, с печалью в оленьих глазах и вздрагивающими ресничками, на всякий случай обругал Барлогу за «нечистые сапоги, порочащие образ русского офицера на Кавказе» и тупо сел в уголке, скрестив ноги, полировать тряпочкой старую шашку. Правда, обнаружив у пяты клинка непонятные слова на латыни и сложно запутанное переплетение листиков с веточками, он засомневался, чеченское ли это оружие. Впрочем, второй раз подходить с вопросами к деду Ерошке пока не решился.

Тот подошёл сам. Постоял минутку рядом, сел в той же позе, так же легко и привычно скрючив ноги на турецкий манер, усмехнулся:

– Понравилась? В здешних-то краях разные клинки встретить можно. На Кавказе завсегда воевали, кого тут тока не было – персы, татары, османы, а по Черноморью и византийцы с греками добирались. Торговали чем не попадя, так и оружием тоже. От эта сабелька из европейских стран в горы попала, и зовётся она «трансильванский узел». Надпись на ней не разбери поймёшь, мудрёно сделана, потому как энто магия старинная-я... Чтоб, значит, никто владельца-то победить не мог!

– Но это вроде как шашка?

– А чего ж нет-то? Сюда голые клинки везли, оно и проще и дешевле, а уж тут одевали во что кому по карману. Да и ежели сабелька-то трофейная к мастеру попадала, так он эфес с ей снимет, рукоять из двух половинок роговых на клёпки поставит, отвес изменился, вот те и шашка!

Заурбек слушал, счастливо приоткрыв рот: такого им в институте не преподавали. Это была живая, чистая, незамутнённая история, в которую можно было не просто окунуться с головой, но жить, дышать, созидая её же каждый миг...

Меж тем с дозора вернулась Татьяна. На немой вопрос деда она неопределённо пожала плечами, обстоятельно доложив:

– Никого нет, я до Линии ходила, по той стороне шесть абреков насчитала. В кустах сидят, а через реку не пойдут. В горах гремело, видать, дождь был, вода поднялась. С нашей стороны хищников не слышать. Кони тихие, вороной не бузит, а уж он-от чужаков за версту чует. В ауле песни поют, стреляют чутка – видать, похороны.

– Ну, так на то он и аул, – привычно покивал старый казак. – Ты б поспала-от, болезная... Ночью хлопцы смену держать станут.

– Эти двое? Тогда я точно не усну.

– Болезная?! – на серьёзных щах, мгновенно вскинулся Барлога. – Здесь болеть нельзя! Как подпоручик и старший по званию приказываю вам немедленно прилечь, выпив чего-нибудь горячего с малиной. Заур, у тебя противовирусное есть? Хотя кого я спрашиваю, на тебе самом вирусов, как на собаке Зулейке! Значит так, Татьяна Бескровная, утром вы возвращаетесь в лагерь и без справки от врача, или лекаря, или коновала из больницы или госпиталья, или ветеринарки сюда ни ногой!

– Болезная – так это значит «любимая, родная». Болею за тебя, волнуюсь, стало быть, – не оборачиваясь, через плечо бросила казачка. – Совсем ты-от человеческого языка не знаешь, не русский, что ль?

Все трое покосились на покрасневшего студента и вернулись к своим делам. Чувствуя себя полным идиотом, Вася ещё побушевал минуты две-три, изображая чрезмерно заботливого отца-командира, но быстро притух. В конце концов, он прекрасно отдавал себе отчёт, кто тут на самом деле главный и чего стоит каждый из них на передовой.

– Просто хотел немножечко понравиться, – вслух бормотал он себе под нос, в позе лермонтовского Печорина встав у входа в пещеру и любуясь звёздами над головой.

На Кавказе они невероятно яркие, разноцветные, пульсирующие, как на картинах Ван Гога, и благодаря высоте гор кажутся удивительно близкими. Так что если, к примеру, падает звезда, то спешить не загадать желание, а сразу подставить ладонь...

– Ты чего всколготился-то, офицерик? – бесшумно подошёл дед Ерошка, и в голосе его не было ни укора, ни насмешки. – Из-за Таньки моей? Так-от плюнь, да и забудь! Твоё дело службу справить, ты думай, как бы нам ту Линию подвинуть!

– Дедуль, вот оно мне... как бы поделикатнее выразиться... матом нельзя?

– Нельзя, в секрете стоим, а на речь-то матерную всяка нечиста сила, знаешь, как падка?

– Ши-кар-дос... – У Василя реально пухла голова от всех этих местных закидонов.

– Энтэ чё значит-то? Поди, богохульствие какое? – заинтересовался старик, мысленно перекаывая новое словно на языке, как горошину. Потом коротко рассмеялся: – Тока долго не стой. Тут, бывалоча, по ночи демоны горные низко летают. Коли взглядом с человеком встретятся, так того-от прям на месте и разорвёт!

И хотя студент двадцать первого века был готов до хрипоты дискутировать с пожилым пластуном века девятнадцатого на тему мифов и заблуждений, но что-то в глубине души подсказывало ему: этот теологический спор не выиграть. Речь о каких-то неполных трёх столетиях, а задумайтесь, насколько катастрофично и безоглядно изменился окружающий мир!

Люди ещё разговаривали на одном языке, относительно понимая друг друга, но между ними уже не могло быть безоглядного доверия. Одни ни за что бы не приняли всерьёз суеверия и колдовство, а другие отвергли бы технический прогресс, как, по сути, ту же самую необъяснимую магию. Объединяла их одна лишь родина, но так ли это мало?

– Однако на боковую пора. Ты бы сабельку-то оставил, гремит почём зря. И вона, ружьишко возьми. Стрелять-то, умеешь?

Барлога уже открыл было рот для достойной отповеди, поскольку отлично стрелял из пневматической винтовки в тире, но вовремя опомнился. Дульнозарядное черкесское ружьё в меховом чехле, с витиеватым кремнёвым замком, стальным шариком вместо спускового крючка и тонким декорированным прикладом было для него в новинку, и, пожалуй, стоило бы спросить у профессионала, каким образом эта допотопная штукавина работает.

Ну, прицелиться через ствол и пальнуть дело нехитрое, а перезаряжать-то как? Сколько пороха сыпать? Где его брать? А пыж надо? Хм, и пулю туда сразу потом? А поперх пули ещё один пыж надо? Но его утрамбовывать полагается, и чем же? А-а, тут под стволом шомпол есть! Не так? То есть тогда как, солдатам и офицерам приходилось «скусывать» пулю, а у казаков и горцев под это дело газыри есть? А газырь по-кавказски – это «готовый», в смысле готовый патрон. Тогда ещё один вопросик, если вдруг...

В общем, короткая инструкция затянулась на час обстоятельной тренировки, после чего уже обученный и уверенный в себе студент-историк честно встал на

пост часового. Ну как встал? Казачьи секреты и так сами по себе места достаточно скрытные, поэтому стоять рядом навтыжку или маршировать три шага вперёд – три назад с ружьём на плече тут явно не требовалось.

Барлогу посадили в кусты, на прохладный камушек, накрытый куском овчины, чтоб не застудить невзначай одно мужское место – а то потом бегай в туалет каждый час. А ближе к трём ночи его должен был сменить господин Кочесоков, которому стоять на страже аж до рассвета. В общем, схема несложная. Как парни умудрились и её завалить, ума не приложу, честное слово...

Сначала Василий бдительнейшим образом стерёг вход в пещеру, переложив ружьё себе на колени, побратски поглаживая приклад. Это успокаивало и вселяло уверенность в том, что он храбро даст отпор любому коварному врагу, что уже «ползёт на берег, точит свой кинжал!». Стихи Михаила Юрьевича он любил и знал наизусть. Не все, разумеется – весь двухтомник, думаю, и сам Лермонтов не смог бы воспроизвести по памяти, – но тем не менее...

Уже к середине второго часа своей смены Вася начал скучать. Ничего не происходило. Всё так же шумел лес, скрипели ветви, посвистывал ветер, время от времени раздавался отдалённый треск сучьев, то ли сломанных кем-то, то ли просто упавших наземь от старости.

Шуршанием проявляли себя лесные зверюшки, мыши или белки, падали шишки с высоких изогнутых сосен; где-то ходили и более серьёзные звери – на Кавказе водятся кабаны, олени, медведи, волки. Конечно, одним выстрелом всю стаю не отпугнёшь, но если завалить вожака, то возможно, остальные не рискнут нападать. Как чисто городской житель, Барлога ровным счётом ничего не знал ни об охоте, ни о повадках зверей, но зато парню с живой фантазией скучно не бывает. Тем более что на тропинке появилась человеческая фигура...

«Стой, кто идёт!» – едва не сорвалось с губ новоиспечённого подпоручика, но каким-то наитием он сумел удержать язык за зубами.

Во-первых, фигура была явно женская, даже девичья, стройная, с чётко выраженной талией. Во-вторых, очень странно одетая. Правильнее сказать, не одетая, потому что на ней был лишь один халатик из тончайшего полотна, практически прозрачный и не скрывающий ни одной линии тела, словно на конкурсе мокрых маек. И еще незнакомка очень плавно двигалась, будто бы не

касаясь босыми ножками земли. Всё это не то чтобы пугало, но несколько настораживало.

- Гражданочка-а!

Девушка остановилась у входа в пещеру, словно бы не веря собственным ушам.

- Гражданочка, - как можно тише и вежливее повторил Барлога, - вам туда нельзя, там всё занято. Там наши спят. А этот... дедушка... он в плане морали очень строг. Не надо туда ходить.

- Я всего лишь хотела согреться...

- Вы откуда взялись-то?

- Убежала из аула, мне там плохо. Там все злые и жадные, куском чурека не поделятся.

Василий даже осознавал, что уже разговаривает с незнакомкой едва ли не нос к носу. Она была очень бледна, губы алые, глаза большие и глубокие, волосы чёрные, распущенные по плечам, черты лица приятные и правильные, на вид лет восемнадцать-девятнадцать.

- Увы, мне тоже поделиться нечем.

- Нет, тебе есть чем...

Красавица улыбнулась, открывая длинные белоснежные клыки, и так резко шагнула вперёд, что Вася даже отступить не успел. Когда тонкие пальцы с чисто мужской силой сжали его за шею, он вообще со страху выпустил ружье, которое упало между ними гранёным стволом в серебряной насечке прямо на босые ножки этой...

- Да что с тобой не так? - просипел студент-второкурсник, глядя, как девушка с визгом прыгает на месте, пытаясь дуть на жуткие ожоги от пальцев обеих ступней до колен.

Она ещё успела прокричать что-то явно злое на прощанье и исчезла в ночи быстрее тающего тумана...

– Кто там был? – из пещеры высунулись дула двух пистолетов, а потом показалась и голова деда Ерошки. – Почто шумишь-то, офицерик? Взбулгачил всех...

Василий быстро опомнился, поднял ружьё и доложил ситуацию. К его удивлению, старый казак лишь рукой махнул, вновь отправляясь спать. Типа, всяческие объяснения, что да как, вполне себе потерпят и до утра. Всё остальное понимай как хочешь.

Студент-историк-подпоручик вернулся на своё место, то есть на камушек в кусты. Сердце его бешено колотилось о рёбра: раньше ему не доводилось сталкиваться с такими вот девушками-вампирами-оборотнями ни по учёбе, ни в личной жизни. Есть люди, вроде бы не предвзятые, добродушные и доверчивые, лёгкие на подъём, приятные в общении, но тем не менее совершенно не сочетающиеся с какой-нибудь простенькой мистикой. Это их не то чтобы пугает, а скорее ставит в тупик. Помните поговорку «установился, как сельский лузер на очередное обновление сайта РЖД»? Вот примерно это же произошло сегодня с нашим Васей.

– Такая вся из себя красотка, а зубья как у матёрого алабая, – вслух бормотал он, не в силах не улыбаться самому себе. – Но я не испугался, поближе подпустил и как дам прикладом в солнечное сплетение! Неудивительно, что эта подозрительная морковка слиняла отсюда и до Приэльбрусья, как Шумахер на всех четырёх! Я герой?! А-у-ааа...

Честное слово, зевнул он всего один раз. И вырубился тут же, в смысле уснул, где сидел, не меняя позы бдительного часового. В каком положении и застал его вышедший из пещеры полусонный Заурбек. Господина-первокурсника столь же безжалостно подняли, но, как водится, разбудить забыли. Поэтому, идя на смену другу чисто на автомате, он просто уселся рядом с ним спина к спине, пригрелся и мгновенно заснул ещё крепче. Два так называемых кунака, калужанин и владикавказец, счастливо подрыхли вплоть до самого рассвета, поскольку охрану оставшуюся часть ночи нёс всё тот же дед Ерошка. С одной стороны, ему не привыкать, однако с другой...

Сны молодых линейцев были сладкими, а вот утро началось с матюгов и подзатыльников. Это была первоначальная, так называемая «лайт-версия», зато потом, как признались ребята, их гоняли настоящей нагайкой, по-взрослому и без сантиментов:

– Ах вы, дурноеды конопляные! Я вам баштовку[24 - Баштовка – награда (казач.).] баш на баш, одну на двоих выдам! Я-от вас, неслухов пустозвонных, научу, как на посту кемарить! Вы у меня щас широкопытом[25 - Широкопытом – кувыркком (казач.).] со службы полетитя-я! Отсея и к птичке потатуйке[26 - Потатуйка – просторечное название птицы удода.] сопливым носом в зад!

Студенты Балоба и Кочесоков в свою очередь тоже громко, хоть и однообразно, орали, потому что нагайка в умелых руках – вещь нестерпимая, а лупил его старый казак от всей широты души, наотмашь и без малейшего оттенка сострадания. Экзекуция была недолгой, но запоминающейся.

– Дедуль, снестать бы пора, – высунувшись из пещеры, негромко позвала Татьяна.

– Ща-а, внученька, кой-кого уму-разуму поучу...

– Да будет с них, идите ж перекусить, покуда горячее!

Вообще-то ребята горячих звездюлей уже получили, но против перекусить всё равно возражений не имели. И пусть болело теперь всё, на чём сидят, однако кусок сухого хлеба с ломтиком поджаренной солонины казался лучшим завтраком на свете.

– А есть, кстати, и стоя можно, – набив полный рот, пробурчал Василий.

– Вах, какой мудрый слова сказал, э-э?! – поддержал Заурбек, также старательно работая челюстями.

– Опосля ещё по рюмочке примем, коли пошлёт Господь во здравие, а не пьянки ради, да и на службишку, – заключил дед Ерошка, и все согласно кивнули.

Если вспоминать русскую литературу, то можно отметить, что в солдатской среде ошибку могли простить один раз (ну, плохо объяснили новобранцу), два

раза (если не понял, с кем не бывает), но уж «третья вина всегда виновата!» – стало быть, получи шомполами по спине или прикладом по загривку. Бьют же не ради самого битья, а для науки!

Казачки обычно с подобными расчётами на раз-два-три не заморачивались – в пограничье одного-единственного случая разгильдяйства могло хватить, чтоб абреки ночным набегом вырезали и спалили всю станицу, – поэтому в рог давали сразу. Но и никаких претензий после наказания уже быть не могло: пожали друг дружке руки, обнялись по-братски, похристосовались и пластунским шагом в секрет, в горы, хищников на узких тропинках выцеливать. Ружьишко есть, пороху хватает, кинжал да шашка на поясе – отчего ж не жить как-нибудь?

– Какие у нас планы на сегодня? – деловито поинтересовался Василий, быстрее всех покончив со своим пайком и тоскливо понимая, что больше не дадут и делиться никто не намерен.

– А как и всегда, дозором вдоль Линии пойдёте, – ответил дед Ерошка, не спеша разливая на четыре одинаковых глиняных стопочки. – Чихирь энта. В речке вода плохая, как в горах дожди или ветер какой, так ажно бурая от грязи. Винцо-то слабенькое, в самый раз.

Выпили все, включая Татьяну. Алкоголя в напиток, действительно, было чисто символическое количество, так, кисленький розовый компотик, хорошо если на градус-два крепче того же кефира.

– Танюха, внученька, ты от кого до себя возьмёшь?

Молодые люди приободрились, втянули животы и расправили плечи, глаза каждого горели желанием отправиться за красавицей-казачкой хоть к чёрту в пекло!

– Дедуль, так они оба малохольные. Я что ж сама-то не справляюсь, чё ли?

Лица ребят вытянулись, словно сдувшиеся воздушные шары, похоже, так бесцеремонно их давно не обламывали в лучших чувствах.

– Так-то оно так, всё верно, – покачал головой старый пластун. – Однако ж хоть чему-то учить их надобно. Я от татарина мирного с собой возьму, а уж ты давай, сотвори такую милость, офицерику на ум-разум наставь.

– А коли прибьют его?

– Кто?

– Ох, да хоть и я сама! – прорычала Бескровная, кокетливо поправляя папаху. – Вдруг и шибану чем, под горячую руку...

– Ну, а нам-то что за печаль – горцы прибьют, али ты прибьёшь?! Обыкновенное дело, промежду прочим. Похороним и всё. Поди, война и без них как-никак закончится.

– Шикардос...

Два студента-историка краснели, бледнели, икали, ловили воздух ртом и хватались то за голову, то за сердце поочерёдно или хаотично. Конечно, приключения приключениями, но как-то вопрос жизни и смерти они всерьёз не рассматривали. Да и кто вообще об том задумывался в двадцать с чем-то лет?

Попаданцы обычно этим не страдают. Как наличием головного мозга, образованием, логикой и умением всем этим пользоваться. Это раньше Жюль Верн или Марк Твен с гордостью писали о простых инженерах, попавших в очень непростые обстоятельства и сумевших из ничего создать налаженный быт на таинственном острове, а кое-где даже заводов и фабрик понастроить в мрачном Средневековье. Сейчас двое наших современников были беспомощнее котят, брошенных в жестокие реалии российских войн девятнадцатого века...

– Так пошли, что ль, хлопцы?

– А разве не надо оставить кого-нибудь присмотреть за лошадьми?

– К энтим лошадам никто окромя нас не подойдёт, а подойдёт, так пожалеет.

– А-а... Ну, тогда мы в принципе готовы.

Вася и Заур попрощались друг с другом тоскливыми взглядами. На каждом висело два ружья, полный набор холодного оружия, в заплечном мешке запас пороха, пуль и пыжей, плюс сухари, вода и соль. То есть даже тяжелее, чем рюкзак у современного пятиклассника.

Но старый казак пояснил, что в горах случиться может всякое, поэтому уходя на час, бери с собой припасу на день. Не скажу, что хоть как-то это обрадовало парней, однако вариантов улизнуть с Линии не было – с дезертирами в армии Ермолова обращались соответственно историческому отрезку времени. Тем более с теми, за кого поручился сам генерал.

Выходили из секрета по одному, без спешки и суеты, направо-налево расходились быстрым шагом. Василий спешил догнать Татьяну, Заурбек покорно плёлся за дедом Ерошкой. Просчитать, кому из них придётся тяжелее, кто пан, а кто пропал, было совершенно невозможно, и это добавляло здорового драйва всем участникам.

А некие взвездные силы до недавнего времени даже не подозревали о существовании двух линейцев из будущего. Ануннаки в принципе не считали туземцев достойными существования, и уж тем более не собирались предоставлять им право самим распоряжаться своей планетой. Только было совершенно непонятно, почему это не устраивало людей...

* * *

Верховный отставил термокубок, позволяющий напитку поддерживать одну и ту же температуру от первого глотка до последнего. Золото было жизненно необходимо Нибиру для производства определённых деталей в межпланетных кораблях. Драгоценные камни тоже представляли основную ценность именно своими минеральными свойствами, а не примитивной огранкой для вульгарного украшения корон или колец. Для любого образованного ануннака подобное казалось чуждым, даже противоестественным. Их одежда была максимально функциональна, быт лаконичен, понимание искусства и красоты сведено к нулю, а практицизм возведён в культ.

Примерно то же самое касалось и их веры. Мардук Бесконечный был главным богом, чьё имя следовало периодически упоминать хотя бы из рамок приличия.

Бог Энтиль Могучий во всём равен ему, но не столь почитаем. Имя бога Нергала с гордостью носил межзвёздный корабль, а в честь бессмертного Ану родители нарекли Чёрного Эну. И бвана искренне считал себя достойным продолжателем дела богов...

– Кто виноват?

– Никто, о великий!

– Наш черный абрек выведен из строя самкой аборигенов с примитивным дульнозарядным огнестрелом! На его ремонт уйдёт время – то есть самое дорогое, что есть в этом мире! Туземцы ушли безнаказанными, техники не знают, что делать – но виноватых нет?!

– О владыка...

– Вы испытываете моё терпение...

С последним глотком Эну отставил кубок. Несмотря на все передовые технологии, человеческая кровь всё равно остывала слишком быстро. Придётся пополнить запасы, но это несложно...

* * *

...Куда сложнее вести речь о разделившихся парах наших главных героев. Отдельный поход каждого из них был по-своему интересен: Василий, как помнится, пошёл с Татьяной, свернувшей вглубь леса, а Заурбек шёл дозором вдоль Линии под присмотром старого казака.

– Куда мы направляем стопы наши, о немногословная эльфийская принцесса, выросшая под сенью вековых сосен Средиземья? – едва дыша, но всё ещё на что-то надеясь, романтично хрипел господин Барлога, с трудом передвигая ноющие от вчерашней верховой езды ноги по узкой тропинке в гору. – От рун Элронда синие лучи при лунном свете тают безвозвратно, но ваших глаз неугасимый свет, способный посрамить блеск Аркенстона, гораздо выше всяческих поэм, придуманных людьми на склоне века...

– Ты с кем балакаешь-то, офицерик? – тихо переспросила молодая казачка, двигающаяся так легко и быстро, словно всё её тело было сплетено из ивовых и виноградных лоз.

– Вообще-то, как правило, девушки любят стиль Толкиена.

– А-а, так он, поди, сам собой из благородных?

– Ну да, профессор из Лондона, уважаемый человек, писатель, – поправляя два ружья на спине, пояснил подпоручик. – Так куда мы идём-то?

– В аул.

– В какой аул?

– Та в Мёртвый.

– Ку-хм... да?! – Вася не очень поверил собственным ушам. – В смысле там никто не живёт, что ли?

– Как сказать... Днём нет...

– Э-э?..

На более подробный и обстоятельный ответ рассчитывать не приходилось, да и не принципиально всё это. Через какие-то полчаса блужданий извилистыми горными тропками, по которым ходили разве что кабаны да волки, Бескровная вдруг замерла так резко, что Барлога, не удержавшись, врезался в её спину. И, разумеется, чисто случайно ткнулся губами в загорелую шею под тяжёлой косой. Упс...

Потом был резкий всплеск боли в виске, мир перевернулся, и в себя студент второго курса пришёл уже ногами вверх, под густым ореховым кустом. Спросить, за что, он не рискнул – и правильно, можно было запросто словить добавки.

– Ладно, признаем ради компромисса, что я сам виноват, – неизвестно кому пожаловался Василий, пытаюсь встать на четвереньки.

Татьяна по-прежнему стояла к нему спиной, но у плеча её уже замерло черкесское ружьё. У студента-историка хватило ума прикусить язык, молча подобрать упавшее оружие и, так же взведя курок, встать рядом в героической позе Соколиного Глаза.

– В кого стреляем, кто плохой?

– Не шуми зазря.

Девушка тихо повела взглядом в сторону, где на кромке скалы сидела птица. Сокол, коршун или кречет какой-нибудь – в орнитологии Барлога разбирался плохо, совсем никак, если уж честно. Сову от цапли отличил бы, но...

– От сколько сидит, а человека не боится.

– И что?

– Птица себя так не ведёт.

– А-а, понятно. Может, в неё камнем кинуть?

– Себе в башку кинь. Не промахнёшься?

Меж тем сокол, или кречет, или коршун, или как его там, вдруг вертикально взмыл вверх и только на высоте, где-то в зените, распахнул широкие крылья. Подпоручик проводил его взглядом, задрал голову, но палить не стал: кто их знает, может именно у этой породы так принято летать? Мало ли...

– Ружьишко-то опусти, не дострелишь.

– Да я и не собирался, хотя, между прочим, в тире всегда выбивал десять из десят... – Только сейчас Василий вдруг осознал, что перед ним открывается шикарный вид на небольшую долину меж гор, а там действительно тускло сверкали под солнцем плоские крыши кавказского аула. Аула Мёртвых.

* * *

Слабая, едва различимая тропа вела вторую группу по урезу Линии. И хоть последняя была, как помнится, ломаной, то есть состояла из прямых отрезков, соединяемых под тупым углом, подходы к ней были не везде. Обломки скал, густой непробиваемый кустарник, связанный шипастым плющом, проход по самому краю на цыпочках, плывущие под ногой камни, солнце, бьющее в глаза, – всё это неслабо развлекало по дороге.

Заурбек исчерпал свой интеллигентский запас ругательств минут за двадцать, а повторяться было не комильфо. Его снаряжение вряд ли было тяжелее, чем у товарища по институту, но длинные полы черкески, цепляясь за каждую колючку, путались под ногами при подъёме и спуске.

Дважды он чуть не навернулся, один раз хряпнулся прямо-таки очень хорошо, и если бы не папаха из бараньей шкуры, наверняка разбил бы голову о камень. А тут густая свалывшаяся шерсть спружинила, максимум, что будет – это шишка. Не сотрясение мозга, как говорится, и уже спасибо! Но всё равно больно-о...

– Без папахи-то в горах никак, – даже на минуточку не обернувшись, разглагольствовал старый казак. – В солнце не жарко, в стужу греет, бывалоча и шашкой секанут сверху, а папаха-то уберезёт. Носи её не снимая! Потерять папаху – плохая примета, когда казак об землю папахой бьёт, значит, и умрёт на этом месте, но не отступит, а коли кто тебе её с головы сшибанёт – так за таковое-то оскорбление-от смертным боем бьют! Уразумел, татарин?

– Дедушка, я черкес. Мне эти ваши казачьи прибаамбасы с кружевными рюшечками абсолютно не интересны, понятно?

– Разумение имеем. А чё ж тебе интересно-то?

Молодой человек открыл было рот, собираясь пуститься в долгоиграющее перечисление, но задумался. Интересов по жизни у него было много. Заур любил книги, путешествия, разбирался в шашлыках и овечьем сыре, как все мальчишки Владикавказа немножечко знал бокс и борьбу, предполагал, что, возможно, умеет танцевать лезгинку, всерьёз интересовался историей и в будущем видел себя как минимум кандидатом наук. «Профессор Кочесоков З. И.» – так должно

было быть написано золотыми буквами на дверях его личного кабинета.

Но всё это сейчас казалось неизмеримо далёким, а начинать карьеру в царской России с роли безродного, нищего кунака при расхлябанном русском офицере Васе – уж точно не самый быстрый путь к столичной кафедре.

– Вот и я тебе про то же толкую, – совершенно невероятным образом отвечая на невысказанные мысли бывшего студента, продолжил дед Ерошка. – Сперва-от в себе разобраться надо, понять нутром, кто ж ты есть. В горах одним умом велик не будешь, тут-от без храбрости никуда! А храбрость, она чаще рука об руку с глупостью ходит...

Заур хотел переспросить, что под этим подразумевается, но пластун неожиданно замер, приложив палец к губам. Студент послушно последовал его примеру, прислушался и уловил слабое механическое гудение. Это не было похоже на шмеля, стрекозу или какого-нибудь майского жука. А потом над соседней скалой, буквально в десяти шагах, в небе показалось странное существо. Господин Кочесоков едва не взвизгнул от шока, но удержал себя в руках.

Мимо них, на высоте в два человеческих роста летел череп с костями. Очень похожий на те пиратские флаги, что украшали фрегаты корсаров Карибского бассейна, но две плечевые кости были расположены под нижней челюстью не вертикально, а горизонтально. И череп и кости были украшены случайными обрывками сгнившей плоти, на макушке виднелись пряди волос, а в глазницах угрожающе поблёскивали огоньки. Жуткая композиция не спеша пролетела мимо, скрывшись за высоким орешником. Жужжание постепенно стихло...

– Это что за квадрокоптер?

– Чё?! Дак то джинн, дурилка ты черкесская! – зашипел старик.

– Нет, дедушка, – уверенно вскинулся молодой человек, постучав себя кулаком в грудь для восстановления дыхания. – Вы уж извините, ради Аллаха, но то, что мы сейчас видели, называется квадрокоптер, или дрон. Летающий аппарат слежения, снабжённый видеокамерой!

– Ты бы энто, человеческим языком сказал, ась?

– Вах?! Слушай сюда, дэдушка, арба чэтыре калеса видел? А этот кость белий, свои чэтыре калеса вверх крутит, как бабочка-стрекоз! Понял, э-э?

Дед Ерошка уже поднял было руку, чтоб отвесить воспитательную затрещину наглецу, но тут жужжание раздалось снова. Пластун истово перекрестился:

– Говорю тебе, балаболка, энто джинн! Стрелять его наши пробовали, ан пуля-от и отскакивает! Нечистая сила!

– Это дрон! – в свою очередь упёрся рогом горячий черкес. – Хотите, я вам его поймаю? Поймаю, и тогда посмотрим!

– Ты очумел, чё ли, живого джинна ловить?! Да он сверху синей молнией плюнет, как бочку пороху взорвёт! Страшное-от дело, промежду прочим.

Заур уже не слушал: он лихорадочно снимал всё вооружение, складировав его у ног, а потом быстро скинул черкеску и, подобрав камушек, запустил им в череп. Мимо. Пришлось повторить, с третьего раза почти попал, зацепив височную кость. Джинн обиделся и начал снижение.

– Ну, татарин, коли ты под монастырь меня подвёл, я ж тебя и на том свете найду, – успел пообещать старый казак, скрываясь за толстым стволом сосны. – Найду и своею рукой все газыри-то тебе по одному в такое место засуну, до Страшного суда-от выковыривать будешь!

Бывший студент сделал шаг вперёд, широким размахом закидывая черкеску вверх так, чтоб она накрыла череп целиком. Браво, вот это у него получилось с первого раза! А потом, подпрыгнув с валуна, парень ловко поймал рукав и полу, таким образом словно завернув джинна в мешок. Спонтанная операция по задержанию и поимке нечистой силы заняла от силы пару минут.

– Как видите, ничего сложного!

В ответ в черкеске образовалась обугленная дырка, сверкнула синяя молния, насквозь прошив верх папахи Заура и срезав верхушку молодой сосны.

– Ах, вот так, значит? Плохой джинн, плохой!

Вспыхнувший парень с размаху дважды приложил черкеской с черепом о каменистую землю. Раздался хруст, треск, звон разбитого стекла, и храбро выскочивший из засады дед Ерошка добил опасного противника прикладом ружья. Жужжание перешло в хрюканье, потом в заикание, в прощальное пи-пи-пиканье и наконец совершенно стихло.

«Кобзда!», как бы выразился беззаботный Василий, но господин Кочесоков был более воспитан и привык следить за языком в присутствии старших.

– Да ты, как я вижу-то, совсем не мирной татарин, а отбитый на всю башку! – уважительно прицокнул языком дед Ерошка.

Стволом ружья он раздвинул полы черкески и вытаращил глаза – волшебный «джинн» представлял собой месиво жёлтого пластика, пружинок, проводков, цветных стёкол и блестящего металла на полупрозрачной раме с четырёхлопастными пропеллерами.

– Энто что ж за хреновина дивно-техническая?

– Вай мэ, уважаемый, ты пачему такой удивлённый? Зачем оба глаз круглыми сдэлал? Квадрокоптер никогда не видел, э?!

Старый казак довольно рассмеялся, похлопав владикавказца по плечу.

* * *

...Издали аул казался вполне себе безобидным, но с каждым шагом Василий ощущал невнятную нарастающую тревогу. Что-то здесь явно было не так. В самом воздухе витало странное и необъяснимое предчувствие смертельной опасности. Татьяна легко шла на пару метров впереди, черкесскую винтовку она закинула за спину, но пальцы правой руки нежно поглаживали длинный пистолет с турецким замком.

Следуя её примеру, господин Барлога также опустил правую руку на курок кавказского ружья. Наличие грозного оружия всегда успокаивало тревогу и вселяло в любого мужчину уверенность в себе, любимом и храбром.

– А-а, как бы, типа, кого мы тут ищем?

– Никого.

– Понятно. Э-э, но тогда какого мы сюда припёрлись?

– Посмотреть.

– Так это другое дело! Пойдём, посмотрим! А чего конкретно мы там собираемся увидеть, если не секрет?

– Да чего уж... – Красавица-казачка впервые обернулась, и на губах её играла хитро-многозначительная дедова улыбка. – В этом ауле каждый раз хоть чего нового, а заметишь. Не хищника, так джинна, не джинна, так абрека, не абрека, так ещё какую злодейскую нечисть. Ты тока стрелять не спеши, ружьишко-то зазря не лапай. Тут не всякого супротивника пулей возьмёшь.

– Огнище, – с полным осознанием важности проблемы протянул Василий. – А почему этот жилой квартал называется аулом мёртвых?

– Живых тут нет. А есть всякие иные...

Детали были опущены. Наверное, об этом стоило бы как-то порассуждать отдельно, долго, в подробностях, но увы, не в этот раз.

Меж тем они оба вышли на протоптанную дорогу к жутковатому аулу мертвецов. Кто её проложил? Уж не усопшие точно. Им оно на фиг не упёрлось, верно же? Какой смысл покойникам поддерживать в порядке дорогу в собственное селение, где никого их живых попросту нет? Тогда скажите, зачем? Спрашивается, кто же за всем этим стоит, если оно вообще хоть кому-то надо?

– Слушай, давай всё-таки я впереди пойду. Как мужчина, в конце концов.

Вася зачем-то старательно вытащил из стальных ножен длинную искривлённую саблю со сложной латунной гардой. Наверное, ему казалось, что так он выглядит более героически.

Кстати, как ею махать, он себе более-менее представлял, а вот рубить? То есть поднять заточенную железку способен любой дурак, но вот с размаху ударить ею по живому человеку, у которого потом, быть может, не исключено, кровь пойдёт, а?!

– Сабельку-то опусти, – обернувшись, хмыкнула Татьяна. – Не ровен час, себя же не в том месте порежешь. Потом детишек не будет.

Обладающий богатым воображением подпоручик покраснел, но не стал спорить, на ходу ткнул клинком в ножны, запнулся, не попал, сделал вид, что так и было задумано, помахал направо-налево, сбивая колючие цветы репейника, а потом уточнил:

– Извини, ты начала, но не договорила. Жителей тут нет, а кто есть?

– Почему нет? Я ж сказала, живых нет. А так-то жителей полно, каждую ночь почитай так куролесят, что хоть всех святых выноси! То свадьба, то похороны...

– Мертвецы? – Василий на минуточку вспомнил всяческие передачи про мексиканские карнавальные пляски на кладбище, искренне загоревшись этой идеей. – А посмотреть можно? Ну пожалуйста-а!

Бескровная покосилась на него, как на сумасшедшего, повертев указательным пальцем у виска, но ничего не ответила. Каменистая дорога, петляя, вела вниз, на ней не было видно ничьих следов. Хотя бдительный взгляд мог бы отметить в двух-трёх местах небольшие, размером с блюдце, глубокие ямки оплавившейся земли, почерневшие, словно застарелые ожоги.

Глинобитные стены домов кое-где носили отметины пуль, узкие окна были пусты, плоские крыши выжжены почти до белизны, и нигде не видно ни одной травинки. На весь аул три или четыре узловатых черных дерева, алыча или карагач. Совершенно сухие, без единого листочка, словно все их соки были высосаны до корней, с корой, похожей на чёрную кожу рук стопятидесятилетнего старика. Жутковатое до дрожи зрелище...

Наша парочка только-только успела пройти дозором по главной и, собственно, единственной улице, как сверху раздался едва уловимый свист крыльев. Татьяна резко обернулась, без объяснений обняла Барлогу, крепко прижав к высокой

грудь, и прошептала:

– Идём в саклю.

– Огнище-е, я за! – сипло выдохнул подпоручик.

В тот же момент казачка совершила невероятный кульбит, швырнув себя и доверчивого русского Васю в дверной проём ближайшего жилища. Те три доски, что там висели на одной ржавой петле, разлетелись в щепки, пара рухнула на дряхлые персидские ковры, счастливый студент раскатал губу, и...

– Ты б слез с меня, офицерик.

– Не понял. Ничего не будет, что ли?!

– Яичницу могу сделать. – Девушка одним лёгким пинком колена наметила место удара, и до Василия дошло:

– А-а, то есть, типа, мы здесь просто прячемся от нехороших врагов, да?

Татьяна кротко кивнула. Господин Барлога встал, благородно подал ей руку, помогая подняться на ноги. Потом решительно подобрал с пола упавшее ружьё и взвёл курок. Вот так, держа два ружья наизготовку, молодые люди плечом к плечу осторожно высунулись на улицу.

– Вот он, лупарь горбатый!

– Кто?! – не удержался студент-историк. – В смысле, я хотел спросить, где?

Татьяна мотнула головой в сторону сидящей на крыше соседнего дома птицы. Тот самый сокол-коршунгриф, шайтан орнитологический его вообще разберёт, смотрел на них свысока немигающим взглядом ярко-зелёных глаз. А потом вдруг резко, громко и пронзительно крикнул таким противным голосом, что хуже Бузовой, и...

В общем, Василий пальнул прежде, чем сообразил, что собственно делает. Но хотя бы сделал оное метко! Круглая тяжёлая пуля ударила птицу прямо в лоб,

отскочив на пару метров. Казачка ловко поймала сплюснутый едва ли не в лепёшку свинцовый кругляш и засунула за шиворот кашляющему от порохового дыма герою дня:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вайнахи – самоназвание представителей чеченского и ингушского народов, появившееся не ранее XX в. (вначале как лингвистический термин, позже распространившийся в бытовой среде).

2

В каком университете вы учитесь? (фр.)

3

Вы говорите по-немецки, друзья мои? (нем.)

4

Цитата из поэмы М. Ю. Лермонова «Измаил-Бей».

5

Имеются в виду так называемые «кавказские татары» – собирательное название всех мусульманских народов Кавказа, бытовавшее в XIX – начале XX в.

6

Наиб – здесь: мусульманский наместник, начальник.

7

Мюрид – здесь: мусульманский послушник, последователь.

8

Кунак – у кавказских горцев: друг, приятель (от тюрк. конак; кунак – гость).

9

Неудобь – земля, непригодная к пахоте (казач. слово).

10

Неточная цитата из поэмы М. Ю. Лермонтова «Измаил-Бей» («Верна там дружба, но вернее мщенье»).

11

Алахарь – туповатый храбрец (казач.).

12

Баглай – лентяй (казач.).

13

Чудак – странный, дурной; в данном контексте оскорбительное (казач.).

14

Здесь: не приготовленного в соответствии с мусульманскими законами.

15

Чихирь – молодое неперебродившее вино.

16

Чувяки – кожаная обувь с мягкой подошвой, распространенная среди жителей Кавказа и Крыма.

17

Чикилять – хромать (казач.).

18

Егупетка – подхалим, подлиза (казач.).

19

Отдохманимся – отдохнем (казач.).

20

Гачи – ноги (казач.).

21

Балачка (от укр. балакати – разговаривать, болтать) – совокупность говоров казаков Дона, Кубани и Терека.

22

Коробчить – здесь: ухаживать, ухлестывать (казач.).

23

Бурсак, или баурсак – традиционное кулинарное изделие из сдобного или пресного теста, распространённое у многих тюркских народов.

24

Баштовка – награда (казач.).

25

Широкопытом – кувырком (казач.).

Потатуйка – просторечное название птицы удода.

Купить: <https://tellnovel.com/andrey-belyanin/lineyсу>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)